Stikhi_Tishkova_Stikhi_Tishkov 14.02.2020 17:56 Страница 1

Аркадий Тишков

Ассоциации

Стихи 1966-2019 годов из циклов:

Ассоциации преклонного возраста
Звенигород. Биостанция
Великий водораздел. Валдайская тетрадь
Язычество осени
Под сенью рук твоих
Детские стихи из полевого дневника
Начало
Моя Арктика

Москва 2020

Stikhi_Tishkov_Stikhi_Tishkov 14.02.2020 17:56 Страница 2

Аркадий Тишков. Ассоциации. М.: Институт географии РАН. 2020. 155 с.

В книгу вошли стихи 1966–2018 годов, опубликованные в книгах автора – «Полевые дневники» (1996), «Языческая осень» (2000), «Под сенью рук твоих» (2007), «Великий водораздел. Валдайская тетрадь» (2010), «Люди нашего племени» (2012), в коллективных сборниках «Под небом Валдая» (2007),«Поэтическая экология» (2008; составитель Ф.Р. Штильмарк) и др., а также стихи, написанные в последние годы и не публиковавшиеся ранее. Автор – известный географ и эколог, специалист в области охраны природы, в 1970-х годах участник московского литературного отделения «Новая магистраль» (руководитель – поэт Г.М. Левин).

Фото – Е.В. Иванкина

ISBN – 978-5-89658-059-1

© А. Тишков, 2020
© Фото: Е.В. Иванкина

Москва 2020

От автора: путь к ассоциациям преклонного возраста

Желание высказаться, освободиться от нахлынувших чувств, мыслей, образов, переложить всё это на бумагу было у меня всегда. Андрей Вознесенский писал: «Стихи не пишутся – случаются, / как чувства или же закат…». Здесь ключевое слово – «чувства». И именно они оказываются стержнем каждого стихотворения. Об этом же говорил Г.М. Левин – руководитель литературной студии «Новая магистраль», в которой я занимался в 1970-х годах и где получал уроки умения высказаться: публичные чтения стихов перед участниками студии и приглашенными, уже состоявшимися поэтами. Помню беспощадный разбор стихов на творческих занятиях, когда по очереди встают твои товарищи и на весь зал Института научно-технической информации, а то и ЦДЛ (и там было несколько занятий), препарируют слова-чувства. Помню и как к больному Григорию Михайловичу я приехал домой с тоненькой рукописью будущей первой книги. Напомнив мне о том, что я географ, он заметил, что это «вполне поэтическая профессия», но если хоть как-то она будет «давить» на поэзию, то поэзия исчезнет, появится что-то вроде «путевых заметок». Он заболел после, того как отстоял морозной ночью у дверей Лавки писателей на Кузнецком мосту очередь за томиком О. Мандельштама из Большой библиотеки поэта. И все было бы хорошо, но после героического обретения книги он приехал вечером на занятие студии и часа полтора читал стихи Мандельштама, как мне теперь видится – не только те, что вошли в «синий томик»… И вот я у него дома, пытаюсь объяснить, почему те, а не другие стихи я отобрал для книги. Рукопись Григорий Михайлович разнёс «в пух и прах», оставив с десяток стихотворений, особенно ему понравившихся – «осенних». Машинописная, такая аккуратная, радующая глаз своей завершенностью и чистотой рукопись вдруг превратилась в какую-то «карту боевых действий»,

всю изукрашенную пачкающей синей ручкой, где главными знаками были «плюсы», «минусы» и жирные стрелки, которые уточняли положение строф, строк, а в итоге – мыслей. Кстати, несколько стихотворений из той рукописи попало и в эту книгу.

Долгий путь к первой книге стихов начался у меня в далеком детстве. Потом увлекающий мир стихов привёл меня в места, где выступали поэты. В середине 1960-х таких мест в Москве было много. На Дне поэзии 1964 года в клубе «Дружба» после выступлений я расхрабрился и подошёл к Римме Казаковой и передал ей несколько листочков. И Римма Казакова взяла том Дня поэзии и на своих стихах написала «Аркадию Тишкову – другу стихов… А значит и моему».

Спустя год на 20-летие Победы я написал пафосные по форме стихи, которые начинались со слов «Встаньте те, кого нет, позовите живых…». Читал их на школьном вечере, потом они оказались в «Московском комсомольце», и в мае 1965-го меня пригласили на поэтическую встречу в стекляшку в Измайловском парке. Вёл её, по-моему, Александр Аронов, тогда еще не работавший в газете. Встреча была организована «Московским комсомольцем» и заметка с перечнем выступавших и строчками стихов вышла в этой же газете. Но для меня всё это тогда отошло на второй план. Я стал заниматься в биологическом кружке при Московском обществе испытателей природы, в Зоомузее на Герцена (теперь Большая Никитская). В кружке все были поэтами, писали стихи, песни. С того периода сохранилось несколько стихотворений, которые я включил в эту книгу. И одно из них, в отличие от преимущественно осенних с грустинкой стихов юности, было настоящим весенним, написанным 31 марта 1966 года, когда я переполненный чувствами общения с друзьями на моём дне рождения остался один.

С 15 лет я стал ездить в экспедиции, поступил в МГУ на биофак и закончил его. Начал работать в Институте географии, объездил пол страны в поисках себя и рецептов сохранения природы Земли. Женился, родились дочь и сын, продолжал работу в институте и занятия в литстудии у Г.М. Левина. После очередного разбора стихов и пришедшего неожиданно письма Е. Евтушенко с рекомендацией стихов в «Юность» (хранится до сих пор в моём архиве), я встал перед дилеммой – оставаться в науке, где всё шло, что называется «по плану» – статьи, диссертация и пр., или же бросать это дело – и пробовать поступать в Литинститут… Жена Наташа всячески

поддерживала мои поэтические опыты. Да, собственно, теперь они во многом были для неё и «про неё», но смену вектора жизни?.. Нет. И я остался в науке. И не жалею.

«Новая магистраль» в 1970-х сочетала в себе наставления учителя – Г.М. Левина, уроки мастерства, получаемые от постоянно приглашаемых на занятия поэтов – Арсения Тарковского, Анатолия Жигулина, Евгения Евтушенко, Булата Окуджавы, Давида Самойлова, Юрия Левитанского, Дмитрия Сухарева и других, а также от таких же, как и ты – начинающих авторов. Рукопись первой книги так и не удалось напечатать, подборки стихов рассылались по редакциям разных журналов и сборников. Авторское честолюбие из-за постоянных отказов и комментариев – типа «Стихи хорошие, но Вы же понимаете…» в те годы было не удовлетворенным. А Г.М. Левин, как опытный учитель помогал реально оценивать себя и держать дистанцию между жизнью и поэзией. По его просьбе, как я теперь понимаю, замечательный детский поэт Валентин Берестов, ставший на короткое время для меня и моего старшего коллеги биолога и поэта Владимира Залетаева наставником, завёл со мной беседу о моей профессии. Сам он с детства мечтал стать археологом, закончил исторический факультет МГУ. Моя профессия и постоянные экспедиции Берестову казались располагающими к поэзии, как и его любимая археология. И он дал совет не бросать её. А стихи? Они всегда будут рядом. И оказался прав.

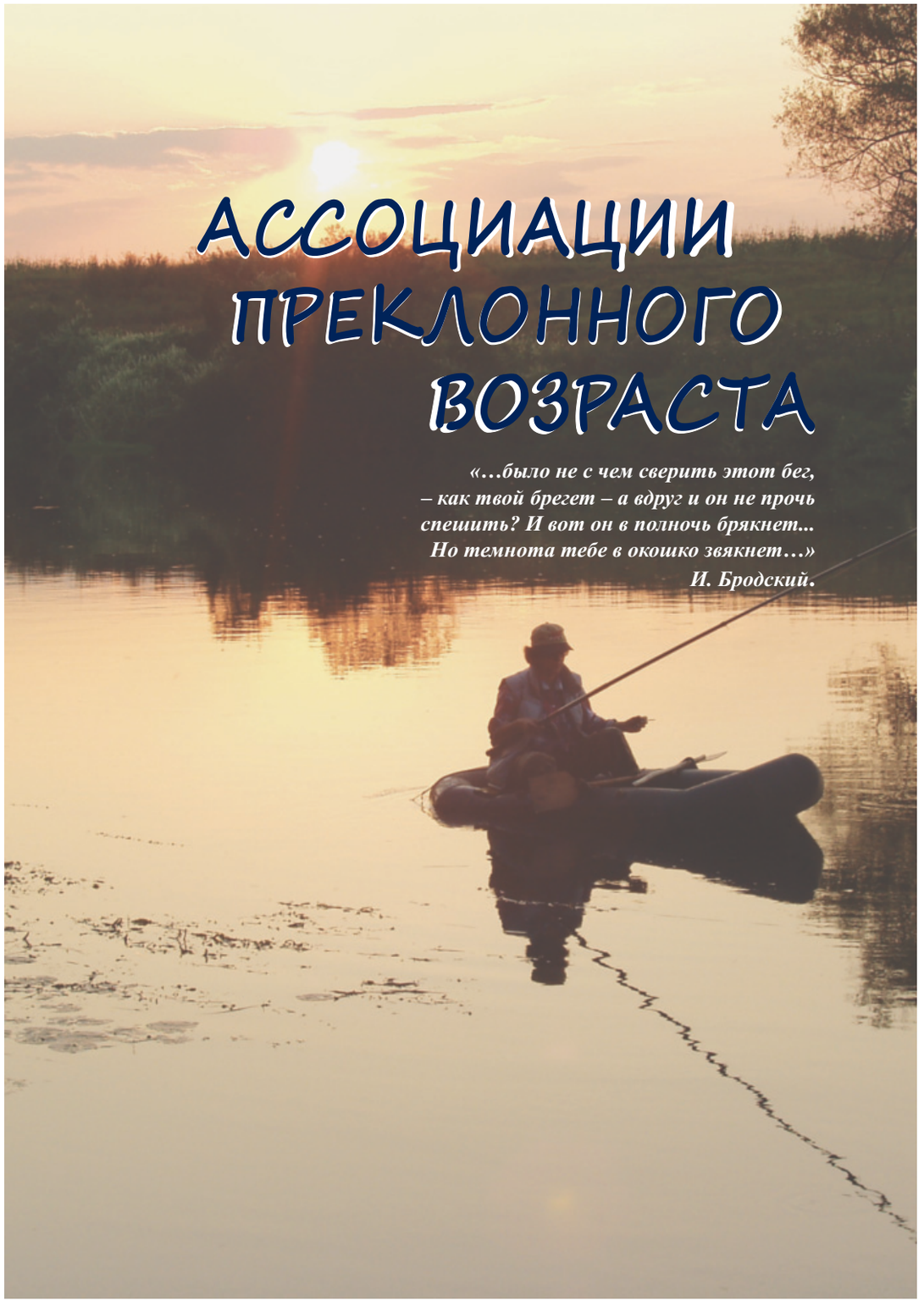
Первая моя книга «Полевые дневники» – заслуга Валентина Берестова, который просмотрел подборку стихов и рекомендовал включить в книгу понравившиеся ему детские стихи, а также Владимира Залетаева, он привёл меня в издательство, помог достать бумагу (в начале перестройки это было проблемой) и выбрать иллюстрации. В 2000-м в издательстве «Русский университет» вышла книга «Язычество осени», а в 2007-м по инициативе «Товарищества научных изданий» был издан сборник «Под сенью рук твоих…». Иллюстрациями стали фотографии нашей подруги, известного зоолога и хранителя лесов Звенигородской биостанции МГУ Елены Иванкиной. В 2010-м родной институт издал к моему юбилею книгу стихов «Великий водораздел».

Вот так – от ассоциаций детских лет и юности к ассоциациям преклонного возраста… Академик Захаров – известный физик-теоретик в свой последний поэтический сборник «Выжимки бессонниц» (2019) включил цикл «От детства и потом». Александр

Городницкий также свою последнюю книгу «Различие в возрасте» (2018) открывает циклом «Оглядываясь назад…». Что называется «не сговариваясь». Но важно – и там и там – не какое-то подведение итогов, а именно ассоциации, попытки окунуться в прошлое, чтобы с его позиций понять себя современного, сверить чувства.

Оставляю на суд читателя эту книгу. В ней – обернутые в слова чувства, отрывки из долгой жизни, её переживаний, радостей и грусти. В ней нет, как и просил Г.М. Левин, «путевых заметок», но есть… ассоциации.

Аркадий Тишков, январь, 2020



АССОЦИАЦИИ ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА

«…было не с чем сверить этот бег,
– как твой брегет – а вдруг и он не прочь
спешить? И вот он в полночь брякнет...
Но темнота тебе в окошко звякнет…»
И. Бродский.

На исходе оттепели

«… Жили мы на щербатых улицах,
Но весь мир был у наших ног».
М. Анчаров

Мы думали, что ждет нас вечность.
Нам было по шестнадцать лет.
И каждый пел, играл в беспечность,
И каждый был уже поэт.

Деревья становились выше
И реки усмиряли бег.
Но наши песни не услышал
Двадцатый нервный, жёсткий век.

Еще б немного – мы в герои …
Но их хватало в той стране.
ГУЛАГ всех отпускал на волю,
А мы стояли в стороне.
Фронтовики – вся грудь в медалях,
Те получали впопыхах –
Что потеряли, что не дали
И что по праву «взял бы так».

Шестидесятники?.. В романах
Еще колышется их стяг –
Законодатели обманов
И рок-эн-рола «на костях».
Они взахлёб читали Лема,
Все оттепели десять лет
Их комиссары в пыльных шлемах
Нам слали бардовский привет.

Где ж вы? Обласканные … Эти
Лауреаты, бунтари –
Хрущевской оттепели дети,
Кто сон дозволенный творил.
То «дудочки» - вершина моды,
То впору брюки, юбки клёш –

Все имитация свободы.
Свобода ж то, что ты поёшь.

Был выбор песни и мотива,
Для идолов - любой поэт.
Как говорят – «Альтернатива»,
А дальше – слушать или нет.

Анчаров быстро стал не в моде
С его свободою во всём.
И, оттепели на исходе,
Высоцкий пел «о том о сём».

Он имитаций был поэтом
И королём рычащих слов,
Зимою уводил нас в лето
Как крыс под флейту Крысолов.

А мы, больные эпигонством:
То – слишком молоды для дат,
То в «Юности» печатать поздно,
То лучше б «… через Самиздат…».

Так под гитары неумелых,
В бренчанье у костров лесных,
Под крик магнитофонов смелых
Забыли запахи весны.

Что ж до героев?.. Их портреты
Допишет двадцать первый век.
Но не нужны ему поэты,
А, может быть, и человек.

2015

Какие наши годы?

А присказка была –
«Какие наши годы!?»
Любил её мой друг
Добавить всякий раз.
Но лодка уплыла,
И в море пароходы,
Степенно, а не вдруг,
Ушли уже без нас.

Вот поезд на парах.
Поспеть бы, дотянуться,
Свалиться б у окна
За столик откидной…
Но вслед сигнал – «Пора!»
И силы нет вернуться,
И вечная вина…
И…сверточек с едой.

…Останови свой бег,
Охотник мой усталый,
Порадуйся погоде –
Разбей свой огород.
Но слышу: Долог век,
А я совсем не старый…
Какие наши годы!?
…А вот такие, вот.

Август, 2011

Две правды

Две Правды спорили о том,
Что жизнь совсем плоха.
Спор уже вышел на плато,
Раздуты все меха.
Одна из Правд, та, что в летах,
Клянется: «Нету сил!»,
А та, что с пеною у рта,

От горя голосит.
Две Правды сели во дворе,
Налили грамм по сто.
«Ты знаешь, жизнь плохая там,
Где тихо и застой».
А та с платком у красных глаз
Твердит всё о войне:
«Жизнь − дрянь, когда стреляют. Раз.
Когда пожар – вдвойне».
И вот уже бутыль пуста
И спор не так суров,
И пены нет уже у рта,
Исчез меж ними ров.
А вечер молча, не просясь,
К ним в старый двор пришёл.
И Правды, тихо помолясь,
Сказали: «Хо-ро-шо!».

2011

В какую птицу превратиться?..

С Земли уйти мне суждено
Туда, где будет все равно –
В какую птицу превратиться,
В какие платья нарядится;
Не будет «можно» и «нельзя»,
Из детства будут там друзья …
И реки в поездных оконцах,
Бегущие к закату Солнца.

…Теперь на этом берегу
Ловить я буду как смогу …

Отыщутся отец и мать –
Начну их лучше понимать.
Я буду с мамой говорить,
Отцу пахучий плов варить –
Все, что при жизни не успел,
Теперь успею … Много дел!

Кому-то не помог нести,
Кого-то не сумел спасти.
Оказывается – *все* теперь
Войдут в незапертую дверь.

…Кому-то на Земле мешал…

Вот так сидел я решал –
В какую птицу превратиться?
В какие платья нарядиться?
Май, 2013

Помыслы-мысли

Помыслы-мысли как стилет
Бьют обоюдоостро.
Кто-то сказал, что старости нет,
А юность – болезнь роста.

Быстро проходит… А маяки?..
Нужны ли, коль жизнь конечна?
Мысли грешные не с руки
Грешными считать, конечно.

А мысль благая, какая ни есть,
Подвигнет, но без материй…
Как растекающийся Благовест
Зовет, когда ты растерян.

Беги от помыслов, коль они
Как рой непокорных мыслей.
Ни слова грешного не проронил –
Под суд! Виновен!.. И выстрел.

И там, в далеком Небытии,
Куря на крылечке хаты,
Поймешь про мысль – не убить её.
А люди – не виноваты.

И так всё время – часы и дни
Каемся не за поступки,
За мысли-помыслы лишь одни.
А жизнь не дает уступки.

Они оживают, когда не ждешь,
Прячутся среди радуг…
Так пусть живут. Может в них найдешь
Истину, смысл и правду?
2015, 2018

* * *

Еще не время собирать плоды,
Еще не время лист спасать опавший.
Вот бабье лето дарит за труды
День солнечный, немного запоздавший.

Еще не время усмирять свой бег,
Еще есть силы спорить, сомневаться,
Не кланяться настойчивой судьбе
И обстоятельствам не поддаваться.

Еще для сбора камни только ждут,
Маршрут мой в край непознанный намечен,
Еще не взят очередной редут,
И, главное… еще совсем не вечер.
2005

* * *

Заплатим за платье в заплатках,
Украсим укромность углов.
Созваниваемся с сознаньем,
Что прячем уловок улов.

Вот так – что ни год, то утраты,
Имею что – не храню.
Спешат юбилейные даты
Дать повод и пищу вранью...
2010

* * *

Надену маску старика,
Пройдусь в развалку – уточкой.
Встречай великая река
Меня с охапкой удочек.

Будильнику не дам звонить,
Кофейных зерен запахом
Родню не буду я дразнить…
Пойду на берег западный.

Он с сигаретным маячком
Собрата по оружию.
Делюсь с ним свежим червячком –
Насадкой очень нужною.

Нет новых у меня манер,
И с прошлым годом разницы
Нет. Разве я – пенсионер?
Какая несуразица.

Но там уже встает восток,
А с ним – поклевка первая,
И желтый на воде листок,
А вслед – подсечка нервная.

Еще поклевка… Но пока
Замешкал на мгновение.
Хм! Где же твердая рука?
Где навык и умение?

Ох, зря я маску надевал,
Вживаюсь в образ быстро я.
Куда уменье подевал,
Что за полвека выстрадал?

А может прав Хемингуэй?
И наш удел – с мечтой расти.

Всю жизнь мечтаешь ты о ней,
Поймаешь её в старости.

Сниму я маску старика,
К мечте дорога дальняя...
Прощай, великая река,
Вернее, до свидания.

2010

* * *

«…Не уместен парад, не бывает наград
Там где с братом сражается брат…»
А. Городницкий

На самой последней страшной войне
Художников было убито вдвойне
Больше,
в процентном отношении…
За что?
За красок ношение.

На самой последней братской войне
Флейтистов было убито вдвойне
Больше,
в процентном отношении…
За что?
За музыки оглашение.

На самой последней долгой войне
Поэтов было убито вдвойне
Больше,
в процентном отношении…
За что?
За произношение.

2014

* * *

Жизнь словно чудо. Не сентиментально,
Без слёз и драмы, мимо, не спеша

Проходит словно фильм документальный:
Кому-то в горле кость, кому-то – «Хороша»!

Впрок начитаться книг?.. Но разве можно?
Впрок голод утолить, впрок жизнь познать.
Прийти к той мысли было мне не сложно,
Засиживаясь с книгой допоздна.

Но выходило всё совсем иначе –
По жизни положительный герой,
Вдруг всё, что положительное прячет,
Себя, представив на стезе иной.

Сегодня так, а завтра – в новом свете
Живём и тратим времени руду.
Одним жизнь – ураган и звонкий ветер,
Другим – лишь рябь в заиленном пруду.

И книг не хватит, чтоб понять, исполнить
Жизнь таковой, как будто сам творил.
Но буду до конца об этом помнить.
Отец про это часто говорил.

2006

* * *

Я сыграю. Получу прощенье,
Успокоюсь и к утру усну.
Не нарушу я Земли вращенье –
Так … Чуть-чуть потороплю весну.

2012

Памяти К.М. Эфрона

«…Очаровательные франты
минувших лет…»
М. Цветаева

Опять Жуль Верн, Майн Рид и Купер,
Вигвамы, луки, шалаши…

Исписаны карандаши
Для вечных тайн окрестных дупел.

К шпане во двор уже не тянет.
Какие, к чёрту, паруса!?
Кругом болота и леса…
А без полива фикус вянет.

…В толпе всегда лучится светом,
Иная поступь, стать не та.
В «букинистических верстах»
Готовы ждать его советов.

Так что читать? Чернила просят.
Пишу: Кэ Бальмонт, эС Надсон…
А что за пиджака фасон?
Зачем фуляр среди авосек?

Без шпаги и давно без банта,
Да и без блеска эполет,
Среди давно минувших лет…
Очаровательного франта
Теперь уж нет.

Весна, 2012

* * *

Я этот день отмечу
Карандашом на карте.
В календаре кружочком
И веткой на снегу.
Я сам за всё отвечу,
Но будет это в марте –
С прогулкой бережочком
И песней на бегу.

Мой день. И мне осталось
Еще совсем немного:
Чуть-чуть и половина

От этого «чуть-чуть».
И вот ведь как!.. Досталась
Тревога и дорога,
Не выпитые вина
И каменистый путь.

Я этот день раскрашу
Не только черно-белым,
Каким он был сегодня,
А так, как я хочу.
Оставлю Землю нашу.
Как?.. Да я, первым делом.
Пока на что-то годен –
Возьму и улечу.

2007

* * *

«...Что ж, скажу я тебе в утешенье:
Знай, как поезд промчатся они».
Н. Злотников

Чем дальше, тем еще быстрее
Мчит мой смешной локомотив.
А жизнь становится пестрее
И чётче слышен свой мотив.

Куда спешим мы? Непонятно.
К чему нам мельтешение лет?
А вдруг получится невнятным
Финальной песенки куплет?

А то мы «едем, едем, едем»,
И все – в далекие края.
Уже, почти что, без соседей,
И поредели вдруг друзья.

Торопимся… Но жизни осень
Свалилась в двадцать первый век.
…Как трудно перебросить мостик
На берег внуков без помех.

2015

* * *

Берег внуков, город внуков
На реке моей судьбы.
Я вхожу в него без стука,
Хоть пароль опять забыл.

Я беру не те игрушки
И пою я невпопад.
Рядом юные старушки
Впились взглядом в свой АйПад.

Я им Пушкина – на память,
Песню Гека о Москве,
Куклу Тяпу им на палец,
Двадцать городов на Вэ.

Что умею – не сумею
Передать на берегу.
Осуждать? Но Саломея
Бдит.
Я лучше убегу.

2016 (из Айфона)

* * *

Есть противные дни для поэта,
В них дышать не умеет поэт:
Ни дождя нет, ни Солнца, ни ветра,
Небо в серый окрашено цвет.

Даже серой становится зелень,
А стволы золотые сосны
Словно серые столбики в землю
Врыты кем-то... и так – до весны.

Что нам делать с затихшей природой?
Как себя и её оживить?
В дни такие так плохо народу,
Остаётся одно – водку пить.

И зачем-то затихли березы,
Тишина оглушила меня.
Я хожу в серой дымке тверёзый,
Удивляясь бездарности дня.

…Но вдруг всё начинается снова:
Жук качнет неотцветший купырь,
Замычит у деревни корова,
Капель бисер посыплется в пыль.

Громыхнёт. Но пред этим на небе
Вдруг огонь растечётся сквозь дым.
Из чего бы мир создан здесь не был –
Станет вмиг золотым-золотым.

Вот такая алхимия лета.
Всем повинность – планету вращать
И не хныкать пред бурей поэтам –
Серость в золото превращать.

01.08.2013

Я снова здесь

Наташе

Не потому, что мне милее дикий,
Уснувший после заморозков сад.
Не потому, что белые гвоздики
Покроет белый иней – не роса.

А потому, что георгинов гордых
Мы дожидались вместе как удач,
К нам их цветенье осени аккордом
Теперь ворвется в окна старых дач.

Но не укрыть тропических посадок
Цветов. Ожог морозный снова тут.
И я бегу спасать остатки сада,
От красоты, спасая красоту.

Одним всегда милей с зимой свиданье,
Другим – осенних грядок увяданье.

Ноябрь, 2009

* * *

Небесный локон, пухленький Амур
С колчаном тонких стрел наперевес,
Он в форточку как «Помощь на дому»,
Ворчливому холостяку пролез.

Потом догнал автобус на ходу,
Влетел к студентам на восьмой этаж.
В каком не помню, солнечном году
Он был здесь… и растаял как мираж.

…И все это в ненастье сентября,
Когда и по грибы до лесу лень.
Перелетает, кудри теребя,
Бесшумным лучиком из ночи в день.

Его в окно газетой, а он в дверь,
Его бумагой липкой – нипочём.
Хоть верь мне, а не хочешь и не верь –
Бессмертного к нам смертным так влечёт.

И золотеет серых дней полон.
Усталый путник прибавляет шаг.
В толпе волною новость «Это он!»
И все навстречу божеству спешат.

Так, словно жертвы – нараспашку грудь,
Кто утром, кто и на исходе дня,
Для стрел отравленных освобождая путь
Безумцы ему шепчут «Чур меня!».

2007

* * *

И молодости позавидуй,
И в ту же реку третий раз
Войди, поморщившись для виду,
И фото – в профиль и анфас.

А в слух: «Какие наши годы!?».
Деревню взглядом проводи,
Потом по тропкам, огородом,
До речки к милой заводи.

А там… Луны и Солнца встреча,
И тайны милых омутов,
И отраженный в водах Млечный
Путь… Не пройдёт его никто.

А я пройду, бредя по речке,
Бросая снасти в свет зари,
С воды сметая мусор Млечный –
Всё то, чем небосвод сорил.

И распугав на плёсе уток,
Волнуя золотую гладь…
Жить ради вот таких минуток.
Их бесконечно повторять.

2008

* * *

«…в похолодевшие леса
и онемевшие рассветы,
где деградирует весна
на тайном переломе к лету…»
А. Вознесенский «Не пишется»

А лето началось не сразу.
Еще березы сок не скис,
А мы в смешную мая вазу
Тюльпан поставим и нарцисс.
К ним вербу с корешков щетиной,
Миндаль, цветущий до сих пор,
И крепко пахнувшие тиной
Калужницу и водосбор.

Нам климатические будни
Смешали символы погод.

Палитры цвет апрельский скудный
Мы ждали вместе целый год.
Весенне-летние букеты.
Состав их трудно угадать –
Фенологической анкеты
Анархия и благодать.

Май только-только входит в силу –
Бутоны ирисов остры…
Но так божественно красивы
Весенних гряд моих костры.

Май, 2005

* * *

Мы хороши своим разнообразием.
Живя между Европою и Азией,
Толпясь на волоках Варягов в Греки,
На Шелковом пути, минуя реки,
Таскаем за собой кибитки, чумы,
В заморское опять поверив чудо.

Мы хороши своей многоголосицей,
Старинных языков черезполосицей.
Поём, и хороводы часто водим мы
Вдали от своих капищ и прародины,
А имена славянские беспечно
Даем морям, горам, озерам, речкам.

Мы хороши своим разноумением –
Избостроением и песнопением.
И флотоводством, да и рыбной ловлею,
И землепашеством, и крыши кровлею.
Коль надо – за разбой дать можем сдачи,
И всем послам земным легко толмачим.

Не знаю – в плюс? Но боги наши разные,
Хотя слова про них одни и те же сказаны.
Чем дорожить? Горою, дубом, льдиною?
Но Солнце и Земля для нас – единые…

В безверии всегда вредна настойчивость…
Урок веков – в разнообразии устойчивость!
2002

Мое афроевразийство

«…Да, так любить,
как любит наша кровь…
А. Блок

Я сплю и знаю – европеец
Во мне всё ж дремлет до поры.
Спокоен... Но характер – перец,
Зовет в поход и «в топоры».
Живет бесхитростной минуткой
Из разных мест оркестров рать.
И перед утренней побудкой
Еще не знаешь, что сыграть.
Я – европеец, когда строю
Дом для себя и для других,
Тоннели под Ламаншем рою,
И в небо рвусь, встав на круги.

Я – азиат, когда кочую
По весям Родины моей,
И тьмой застигнутый ночую
Среди пахучих трав полей.
Я – азиат, когда на небе
Пытаюсь звезды сосчитать,
И вижу страны те, где не был,
И то, о чем не прочитать.
А если худо – то по коням
С ватагою впереди стрел…
И смерть тому, кого догоним,
И жизнь тому, чей конь быстрей.

А, может быть, я – африканец?
Не потому, что я ленив,
Готов порой пуститься в танец,

Причин друзьям не объяснив.
Я Солнца раб. Я благодарен
Ему за сладких ягод дар.
Я – эфиоп, а не татарин.
Вот для родителей удар!
И ревность меня сильно ранит,
Но не бегу от схватки прочь.
А мой весенний темперамент
Не от таежных кислых почв.
Я, как и все, в период засух,
С мольбою к небу жду дождя,
Потом покорно беру заступ…
Чтоб рыть канал под крик вождя.

Я – азиат? Я – африканец?
Я – европеец?.. А враги
Считают, что большой засранец.
Я ж – просто встал не с той ноги.
2010

*** * ***

В. Деулину
«…Поезд в ветре соленом улетит на восток»
М. Анчаров

Спешу на восток. Занавеска –
Мой флаг в приоткрытом окне,
А речка Пехорка вдоль леса
Ужом подползает ко мне.

В такт бегству в граненом стакане
Сталь ложечки чайной дрожит.
В полях, в красноталах веками
Шерна беспокойно бежит.

А поезд то рвет, то плетётся.
То пустится с горочки вскачь.
И рядом за соснами вьется
Священная речка Киржач.

Ни луж, ни обочинной грязи.
Лишь бархат лугов вдалеке.
Стою и смотрю – воды Клязьмы
Стекают к могучей Оке.

Пугает и манит дорога.
А тот паровозный гудок
Мне дорог до боли, ей Богу,
Еще с моих детских годов.

Так день наступает прощённый,
А с прошлыми днями я квит.
Вонзается поезд в Мещёру.
Как нож в еще теплый бисквит.

Хороший маршрут для скитаний:
Мелькают деревни и дни.
Купейные старые тайны –
Не тайны давно для родни.
Но слушаю, слушаю долго –
Разлуки и встречи не в счет…
И вот уже вижу как Волга
В Каспийское море течет.

2010–2012

Карлик

Карлик, карлик,
Люби свою карлицу
За подобие и за терпение,
Циркового искусства ударницу –
За ее бесподобное пение.

Но беда… Всей фальцетною силою,
На опилки осев, тянет, воет:
«Называют меня некрасивою,
так за чем же он ходит за мной?».

Не мечтай о высокой красавице –
Акробатке, парящей над сценою.
Поцелуй ее скоро достанется
Отставному давно офицеру.

Ты люби. Ты люби за подобие,
За мечту. Жизнь – не театр. Но кажется,
Жить, играя, быть может удобнее,
А то цирком жизнь снова окажется.

2010

Сон

Людоеды присягнули:
Мы всегда закону рады.
Всех едим мы по закону.
Коль не веришь – докажи!
А убийцы расстегнули,
Чтоб все видели – парадный
Френч двубортный, всем знакомый,
Чуть помятый, цвета «Жэ».

Стон на Невском, на Арбате,
В деревнях, как под Батыем.
Плач стоит, а волки воют
На Луну, зовут родню.
Молока на всех не хватит,
Людоеды золотые!..
Но корову снова доят
Ровно двадцать раз ко дню.

Апокалипсис, однако,
Алчущих наживы бесов
Буйство – делят покрывало
Из лесов лугов и рек.
…Вот и все. Здесь праздник мрака,
Страшно жить, не интересно.
Просто хуже не бывало…
Но привыкнет человек?..

2016

* * *

«…Что было – то прощается.
За стол садятся. А Земля
тем временем вращается…»
С. Кирсанов

Нет, Земля совсем не глобус,
а огромный пестрый блин.
Мой пузатый аэробус
третий час летит над ним.

И мелькают реки-вены,
нити судеб и дорог…
Где там ветры-перемены?
Где там Африканский Рог?

Я ловлю знакомый с детства
контур Азий и Европ:
места много – куда деться?
Не видать знакомых троп.

По соседству англичанин
мой готов умерить пыл.
От Европы он отчалил,
а до Африк не приплыл.

Есть в его словах отрада,
говорит он мне любя:
Если спрятаться вам надо,
надо прятаться в себя*.

И тогда не в радость берег,
в горечь – винная лоза,
и совсем не до Америк…
– Поворачивай назад.

Ну а если так, на пробу,
Мчатся дальше по прямой.
Может все же Земля – глобус?
…Я тогда вернусь домой.

2005

*Ну что-то вроде «…if you need to hide, it's necessary to hide in yourself…»

* * *

Приснилось мне, что выпал первый снег
И всё вокруг меняет одеянье.
А за окном крик птиц и детский смех,
О чём-то давнем вдруг напоминанье.

Вот прохрустел по снегу пешеход,
Дороги тайна где-то затерялась.
Мне не понять какой на свете год,
Ведь столько раз всё это повторялось.

Открыл глаза и, кажется, ослеп
Во мне, внутри картина дня начала,
В миг пробужденья вид мой так нелеп,
Сон, явь – совпали… птица прокричала.

А чтобы жить – войду опять в свой сон,
Избавлюсь от предутренних затмений.
И будут цвет и звуки в унисон
И смоют снова пелену сомнений.

2000

* * *

Пройду, преодолею,
по полю, напрямик
березовой аллеей,
где барский дом – тупик.

Оконные глазницы
пусты. И что гадать –
сквозь облака струится
на землю благодать.

Пройду. И вдруг осмыслю
развалин письмена –
здесь под небесной высью
уснули имена.

В развалинах конюшни
я встал и оробел –
гулял с подругой Пушкин
по этой вот тропе.

Быть может, век отмерен
мне был совсем иной.
Я сердца бег умерю
пред белою стеной.

Ожившие картинки
из летней суеты:
читаю без запинки
стихи – в них я и ты.

2012

* * *

Не отгадаешь смысл стихов –
Что критикам стараться!
Как не увидишь пыли веков
Под слоем реставраций.

Он говорит «Люблю! Люблю!»
В ад ночи бросив герцы.
А слышится «дроблю, дроблю»
Окаменелость сердца.
Вдруг в мире стужа и снега,
А он теплом согретый…
Не отгадаешь смысл стиха
И не поймешь поэта!

1999

Москва-Звенигород

Е. Иванкиной

Не сетуй на станции Сетунь,
Что жизнью ты перелицован.
Уже одиночества сетью
Накроет тебя в Одинцово.

Но знаю, отраду в Отрадном
Найдешь? И счастливый – отпразднуй.
Не бойся дороги-отравы,
Ведь можешь в Вязёмах завязнуть.

Всегда «Будь готов!» в Пионерской,
А в Здравнице – с чашей заздравной.
Но кашель с погодою мерзкой
В Перхушково ловишь исправно.

Похлюпаешь в Хлюпино носом,
Закроешь страницу с укором…
Вот в Скоротово поезд выносит.
И враз понимаешь, что скоро!..

1999

Биостанция. Март 2001

Здесь поле снегом занесло,
Зимой лес не доступен.
И не хватает даже слов,
Чтоб потолочь их в ступе.

Да что там ранний разговор –
Сна продолжение только.
Коль шапка тлеет – значит вор,
Где рвётся – там и тонко.

Но я за солнцем не спешу –
День, не в пример, серьёзен.
Во все века славянский шут
Шутил всегда сквозь слёзы.

А мужиков остановлю,
Пусть постоят у кромки.
Я тридцать лет здесь рыб ловлю
И знаю – лёд-то, тонкий.

Вот если б сам? Век доживать
Мне вдруг досталось право.
…Но буду всё ж переживать –
Зачем учился плавать?

2001

* * *

Когда рождественские лампочки
Зажгут на ёлочке души,
Я встану и надену тапочки,
Пойду в тепло салат крошить.

Инстинкт подарка и безделья.
А рядом все – отец и мать…
Давно их нет. Но век растерянный
Не хочет детство вспоминать.

Там мандариновые россыпи
Средь коммунальной простоты,
Послевоенной низкорослости
Безвитаминные посты.

Снежинки из листов тетрадочных,
Без лапы плюшевый медведь…
Хотелось средь всей этой радости
От умиления реветь.

Но вот и рёва нет… Дождался я.
Но умиленье – напоказ.
Там где-то ёлочка рождается
Уже в пятидесятый раз.

Декабрь 1999

* * *

В. Шишкину

Где прикрывают лопухи
Рты сонных пустырей,
На зелень щедрый мастихин
Упал в сухой пырей.

Дождя седая кисея
Ложилась на ладонь,
А чуть вдали ручей сиял
Свинцовою водой.

Антенн щетиной к облакам
Рвалась домов орда.
К их каменным, сырым бокам
Люд жался иногда.

Мок мусор. Дождь все лил и лил.
Откинув капюшон
Художник охры и белил
Взял, буркнув «Хорошо!»

2004

* * *

Было зеркало квадратным.
Снег с карниза свисал ватный –
Будто б лишнее, словно пот с лица.
Только комната, только улица.

Напролет ночь ждал дара Божьего –
Скрип шагов хмельного прохожего,
Да сугроб от весны разбухшийся,
Да бурчанье ворон проснувшихся

Конец века без звуков утра,
В узкой комнате, в лодке утлой,
Где всей радости – девушка с вишнями
За стеклом, а все книги – лишние.

1990

* * *

Дня символ – просто жёлтый лист,
И грядки в ожиданье рук.
Холодный воздух парка чист
Так, что захватывает дух.
Мне б успокоиться, унять
Предзимья раннюю тоску,
Мне б лист над головой поднять
И подготовиться к броску
В зимы объятья, мглу снегов,
И вечный холод декабря…
Ведь нет спасенья для него –
Я жёлтый лист спасаю зря.
Вот, разве в томике стихов,
К странице номер тридцать шесть.
Ему там будет не легко
Всё о себе самом прочесть.
Про то, что жёлтый лист – тоска,
Что его место – меж страниц,
Что даже птицы в отпуска
Летят до теплых заграниц.
Судьба его, еретика –
Пахучий в октябре костёр.

…Для достоверности стиха
Лист на странице распростёр,
К странице номер тридцать шесть,
Там с прошлой осени собрат,
Такой же жёлтый символ есть.
Тоски посланцу будет рад.

Нам всем троим пора грустить,
Парк сер и гол передо мной,
Но страхи рифму упустить
Все не дают уйти домой.

2010

Вербное

«За оградой пеночкам
нынче благодать…»
Э. Багрицкий

Остатки льда в пруду. И зеленушка
скрипучей трелью завершает день.
Шепчу тебе весенних вирш на ушко
слова и старых песен дребедень.

Еще все серо, желтых первоцветов
на южных склонах пятнышки горят.
Еще так холодно, так далеко до лета,
но жаворонки в синеве парят.

Мне кустик краснотала не помеха.
Он – знак иерусалимовой тоски,
пред Пасхою святой большая веха
и воскресенья первые ростки.

Шепчу, шепчу − узнает, кто захочет.
Скорей язык весенний одолей.
На озеро! Там чайка вновь хохочет.
…И проводить гусей спешу с полей.

На Вербное, с апрельским пониманьем,
с началом веры, стартом добрых дел
Грядущее не обойдешь вниманием,
Отдашь, что есть за то, над чем радел.

Отец и мать, родные атеисты,
пук вербы приношу вам много лет…
А пеночка своим негромким свистом
Заката гонит уходящий свет.

Апрель, 2004

День перед Пасхой

Нежданные, коварные
Апреля холода.
Как поезда товарные
Промчались в никуда.

Смотрю в ледок на лужице
Как в зеркало души.
Весною плохо служится
У нас в лесной глуши.

Балованный апрелями
Кричу «Христос воскрес!».
Христосоваться с елями
Спешу в оживший лес.

Там кислый запах свежести,
Там в ямках талый снег.
Захлёбываюсь вéшностью
И усмиряю бег.

Там солнцу недоступные
Овраги и пруды.
Там бабы все со ступами
Летают кто-куды.

Разгуливают лешие –
Зима-то, позади.
Ты через рéку пешим к ним
С пешнёю не ходи.

Весенней соразмерностью
Там дивный гриб сморчок.
Я раза три для верности
Плюю через плечо.

Бекаса слышу блéянье…
Вдохнул весны замес.
Такой, что раньше времени
Кричу «Христос воскрес!»

12–13 апреля 2001

Stikhi_Ushkova_Stikhi_Ushkov 14.02.2020 17:00 Страница 38

* * *

А. Филимонову

Тяп да ляп, тяп да ляп.
Топором вдоль бревнышка.
Посмотрел на солнышко −
Снова − тяп да ляп.

Стук да стук, стук да стук...
Молока дал кисочке,
Себе − каши мисочку,
Снова − стук да стук.

Эх да эх, эх да эх!
Мох в места зазорные,
Наличники – узорные ...
Вот вам − «эх да эх».

Ах да ах, ах да ах!
Домик на опушке нам –
К юбилею Пушкина...

А юбилей-то давно прошел!
1999

Куда спешат печали дни?

...Куда спешат печали дни,
Когда их бег меняешь,
Когда друзей теряешь,
Когда редеет круг родни?

Наверно в заповедный бор,
Где души близких – суть деревьев,
А на опушке здесь – деревня
И там наш дом с недавних пор.

Река зеркальная течёт
Между деревнею и лесом.

По вечерам туман завесой
В лесную даль меня влечёт.

А там: огни и голоса.
Такие близкие… До боли.
Скорее за реку, за поле,
Скорей в бескрайние леса.

И начитавшись мудрых книг
Наивно веришь в превращенье,
В метаморфозы, душ вращенье,
В зовущие к себе огни.

Но что-то в этом есть не то.
Наверняка все это – враки...
Ну, где душа моей собаки
И двух любимейших котов?

Но, чу!... В их зов поверил я!
Среди цветов и ив плакучих
Припал к земле, чтоб слышать лучше
Все души милого зверья.
1992

* * *

Сыну Александру

Всё те же дачные напевы,
Все тот же гам и свист в ночи,
В гитарной песне – страсти девы,
В шинелях стары трепачи.

И от соседского забора
Штакетник, тлеющий в костре.
Шутливый крик «Держите вора!»
И перекрёст Амура стрел.

Когда сирени цвет уходит
Не до посадочных работ.

Ночь напролёт сын где-то бродит,
Днём дрыхнет долго без забот.

Я думал: Сын мой то минует –
И век другой и много ям.
А он, как я, в окошко дунет,
Вернётся на рассвете пьян.

И те же песни ивы слышат.
Как из-за пары чудных кос
Под итальянской старой крышей
Погиб молоденький матрос.

А вот уже и май в цветенье,
В саду опять нехватка рук.
Сын вырос и кончает пенье,
А на подходе старший внук.

Пруд высох, но деревья выше
И им давно за пятьдесят.
Там ночью хор нестройный слышно,
Там наши песни голосят.

1997

* * *

Сыну Александру

Бег Хроноса не остановишь.
Он мчит бесчувственный колос.
И пыль и камни только ловишь
Из-под крутящихся колёс.

Нет, не догнать. Не мчаться рядом.
Вперёд со временем – никак.
Лишь провожать пытливым взглядом
Экспресс, что мчит через века.

Не потому, что старомоден,
Не мерю временем свой шаг –

Для суеты я не пригоден
И не хочу другом мешать.

Не крикну, не скакну вдогонку,
Лишь молча сына подтолкну.
И дам дорожную иконку…
Расплющив нос прильну к окну.

И буду ждать на полустанке.
А вдруг истории спираль
Вернёт нас грустных и усталых
Вернёт на двадцать лет – в февраль.

И вот тогда уже без лени
Мы станем время изменять.
А Хронос сам, без сожаленья
Нас будет бить и догонять.

1999

Александр Блок

«Мне трудно дышать. Сердце заняло полгруди»
А. Блок
«Из дневников и записных книжек»

Картину представляю – умирает Блок
От голода сумасшедший.
А кто-то к виску приставил курок
Ничего лучшего не нашедши.

Спасибо звезде Полярной,
Да мху, что стволы обматывал,
Да ещё Алёше Гилярову
За то, что сводил в Шахм*а*тово.

В далеком шестьдесят четвёртом
Там были одни развалины.
Шли день до усадьбы мёртвой.
Шли к Блоку, пришли – к названию.

Сад барский и пруд барский,
Но барского нет дома.
Хуже орды татарской
Окрестных крестьян погромы.

И все ж, торопились не зря мы –
В местах, заросших полынями,
В изрытых бурьянными ямами –
Мы всех помянули по имени.

Читали, слова забывая,
Стихи… То свои, то чужие…
И вороны, вверх забирая,
Над нами все время кружили.

1994, 2004

Последний дождь в Год Пушкина

Последняя осень двадцатого века.
Ну, где ж ты, мой друг? Почему не со мною?
Конечно, не так уж заметная веха –
Последний в столетье дождь город мой моет.

Я тайну постиг, ноябри открывая,
Творя тихий танец вокруг голых яблонь.
Их желтые шарики яблок в ноябрь
Так хочется взять, но ветра их срывают.

Спешу в новый век, утопая ногами
В промокшей листве городских лесопарков.
Пожалуй, опять остаюсь без подарков.
Лишь ветра напевы и лес в жёлтой гамме.

И все же, бессмыслица – жить по примете,
Менять в понедельники жизнь и привычки.
И дверь в новый век, открывая отмычкой,
Пожалуйста, вспомним о нашем поэте.

Последние капли… Но дождь льётся снова.
Последнего грома раскаты как пушки.
Наверно в век новый придет новый Пушкин.
Вернее не Пушкин. Вернее – не новый.

Ноябрь, 1999

Синдром Титаника

Сколько умных машин придумано.
Отправляясь в далекий путь:
Не на кочах поморских к Груманту
В ночь полярную мыслить суть;
Не в кибитке в страну Каина
Прикоснуться к святым местам
И маршрут прошагать каменный,
И начать жить опять с листа;
Не в санях под бобровой шубою
За невестой в холодный край,
Где с толпою рождественской шумною
Мчаться в ночь и кричать «Выбирай!»

Нет! Сажусь в самолет птичечный –
Ночь в полете со стаей сов.
В телефон с коробок спичечный
Посылаю рой нужных слов.
Там внизу море, небо и змей-река…
А в них умных машин не счесть.
И у каждого из «Титаников»
На маршруте свой айсберг есть.

Москва–Стокгольм, 1999

*** * ***

Я книгу написал
О странствиях души.
В ней, бросив небеса,
Смерч землю иссушил.

Stikhi_Ushkova_Stikhi_Ushkov 14.02.2020 17:56 Страница 44

В ней половодье дней,
Мнёт вётлы бытия.
И шествуют по ней
Бродяги – ты и я.

В той книге среди скал
Предсмертный бьется век.
Его гнилой оскал
Рисует человек.

Открытые ветрам
Душе кричим «Пора!
Зачем, душа, ты там,
Где ужасов парад?»

Здесь дюжина Иуд
За трапезой сидят
И про любовь поют
И на Христа глядят.

О странствиях своих.
Я написать решил.
В той книге – тень двоих
И больше ни души?

Январь, 2001

* * *

«...Учит гортань проговорить «впусти».
Холод меня воспитал и вложил перо
в пальцы, чтобы их согреть в горсти».
И. Бродский «Части речи»

Весенний день сиротский.
Такой же была зима.
От прозы усталый Бродский –
Волшебный фонарь Cinema,
Впитывающий картинки
И звуки…
И патефон

С крутящейся пластинкой,
А в центре – стоящий он.

Вот участь часов песочных,
Чтоб мир вращался как тень,
В пульсации вен височных,
Где ритм певца – «дребедень».*

Лови*т*е! Ведь так центробежно
Видится изнутри –
Волшебный фонарь надежды
И музыка –
раз,
два,
три.

2001

* * *

И как отмечено в Писании –
Всему – свой век, всему – свой срок.
Троллейбус мой по расписанию
Везёт на жизненный урок.

И пусть кратчайшим расстоянием
Прямая будет для других –
За каждым противостоянием
Конфликт слепого и глухих.

Финал здесь, как в спектакле святочном –
Игру закончить есть резон.
На расстоянии порядочном
Корабль видит Робинзон.

Зачем бить в барабаны гулкие,
Не досидев до «хэппи-энд».
Маршрут мой мерить переулками
Троллейбусу пришел запрет.

*И. Бродский «Римские элегии»

А вслед за тем придет поветрие –
От сглаза прятать адреса.
И улиц праздных геометрия
Бояться будет колеса.

Но, как поведано в Писании:
Всяк тяжело несет свой крест...
Я отвожу в одно касание
Охоту к перемене мест.

Жизнь после жизни

Жизнь состоит не из условий –
Из грусти, трудностей, потерь.
Родился человек из слова
И в миг в слова ушел затем.

Смерть состоит из лживых сказок,
Из одиночества и тьмы.
Когда вдруг всё не нужно разом,
Когда не нужны сами мы.

Ну, вот и жить стало неловко.
Такого там наколбасил –
Свою проехал остановку,
А возвращаться нету сил.

Бьет маятник по стенам ласки –
Безмолвный колокол в глуши.
Уснул под звук певучей сказки,
Очнулся – рядом ни души.

Вот и конец большого кона,
За ним безмолвие, «не жизнь».
Тебя не ищут по знакомым,
Не ждут и не кричат «Держись!».

Уходишь в сон, в чужое слово.
Тебя с дороги не вернуть…

А злая флейта крысолова
Кому-то не дает уснуть.

2001

* * *

жене Наташе

Я буду помнить, как в прощальном ритме
Дарил сентябрь родные имена,
Как вянущие травы приминал
И убирал зелёное с палитры.

Мне провожать. Я укрощаю гул
Нахлынувших шутливых расставаний.
Встав на мыски, ты губ не доставала…
А я и дотянуться не могу.

В который раз находит полоса
Усталости… Знакомых рук пожатья,
А ветер, как настырный провожатый,
Всё тянет от… лизнув по волосам.

Жизнь поспешила судьбы все раздать:
Одни встречают, машут вслед другие,
А третьи, как подарки дорогие,
Всем ждущим их, даруют право ждать.

1978

Под Новый год

Наташе

Под Новый год там тёплая погода,
Там крыши дарят раннюю капель.
И речка вскрылась невзначай у брода
И не замёрзла до утра купель.

Под Новый год там говорят неправду,
Что всё плохое забирает век,
Что половиной радостей и радуг
Готов всегда делиться человек.

Под Новый год там многое прощают:
Сначала близким, а потом друзьям…
Забытых, спохватившись, навещают
И торопливо штопают изъян.

Под Новый год друг другу там желают,
Совсем не то, что нужно пожелать.
Но только если псы не громко лают
И не мешаю винегрет жевать.
Под новый год я там чиню снежинки
И корчу рожи ёлочным шарам,
Леплю на стены для флажков зажимки
И тексты сочиняю для шарад.

Под Новый год! Под Новый год! Всё то же.
Мне ж хорошо под сенью рук твоих,
Под взглядом и средь слов твоих я ожил.
Ведь каждый Новый год – для нас двоих.

31 декабря 1999/1 января 2000

Камнерезы

А. Филимонову

Мы были и остались – камнерезы.
Нам не до сна,
Нам не до Марсельезы…
Мы режем, крошим, трём природный камень...
*А*мень!
Здесь наши деревянные халупы,
Здесь наши, в дырах
Заячьи тулупы.
И наше, молью съеденное знамя…
*А*мень!

Мы начинали с плит могильных. Тыщи
Их здесь, где прах –
На городских кладбищах.
Но этот путь мы выбирали сами…
*А*мень!

Пусть ногти сбиты о гранит колонны.
Мы ждём свой час,
Мы ждём свой миг законный.
Кто лучше нас алтарь украсит в храме?
*А*мень!

Не будет нас – и бедняки и Крезы
Вдруг загрустят:
А где же камнерезы?
Чтоб в мрамор слово, сказанное нами,
Вписать и умереть в работе…
*А*мень!

2000

Март

В. Шишкину

Синицы писк услышу внятный
С прикрытого кухтой куста
И станет сразу мне понятно,
Что мир замёрз и так устал…

Вдруг говорливые соседи
Начнут про землю пересуд,
И запах бедноватой снеди
По переулку разнесут.

Марток! Опять к чертям манеры!
Нет яблок меж оконных рам.
И гонит снег пенсионеров
От карт и сплетен по домам.

Лишь ребятня, хваля заносы,
До одури играет в снег.
И на их глупые вопросы
От взрослых слышен только смех.

А рыцарям не до турниров.
На них вода, еда, дрова.

Им март – между войной и миром –
Давно сражает наповал.

Придуманные ими дамы
В тюль прячут белизну лица.
Что им сюжет дворовой драмы,
Где нет начала и конца!?

Март, 2001

Он знает имена растений

В.Н. Тихомирову

В лесу всегда слегка растерян,
Как будто что-то потерял...
Он ищет имена растений
В зелёной Книге Бытия.

Там папоротников таёжность,
Та золотые плауны,
Хвощей ажурных ненадёжность
И орхидей цветы Луны.

Там злаков рыхлые колосья,
Ковры, прилечь зовущих мхов,
И птиц смешных многоголосье,
И паутинки пауков.

Он видит гари возрожденье
И умиранье в гнили пня.
Готов зреть нить происхожденья
В бутоне сумрачного дня.

Он верит в смысл многообразья,
В незыблемость еловых сфер.
И хочет сам приблизить праздник
Всех ботанических химер.

Ему понять совсем немного
Осталось в замысле светил.

Но имена у трав – от Бога.
Бог – дал. Бог – взял. И Бог – простил.

1996

Три товарища

Памяти Вадима Смирина,
Андрея Назарова и Андрея Людоговского

«...Щебет синицы и шелест трав.
И снится мне часто, что я не прав»
И. Бродский «Письма в бутылке»

Умираю, умираю. Весь горю.
О чём думаю, о том и говорю.
Вот крадёт по крохам счастье время-вор.
Высох тополь – сиротеет детства двор.

По товарищам слезы не проронить,
Не отпеть, у церкви не похоронить.
Был художник, был охотник, был поэт.
А теперь картин, стихов, трофеев нет.

Как же это? Два Андрея и Вадим?
Каждый думал, что он в память уходил.
Потускнел московский дворик на холсте,
Позабытой в Казахстане сохнет степь.
Вот навязчивый мотив – всё сушь и сушь.
Успокой, Господь, мятеж российских душ!..
Хорошо лежать средь сосен над рекой.
Успокой, Господь, их души, успокой!

Снится Гоголь, но не в руку этот сон.
Время прячет смысл и вертит колесо.
Падаю… Ступеней, помню, было семь.
А очнулся – весь в поту… Или в росе?

*

Шёл охотник на охоту – не дошёл.
Позвонил, сказал: «Всё будет хорошо…».

И вампиловская нота не причём.
Покурю со скорой помощи врачом.

На холсте искал всю жизнь он горизонт.
Раньше срока начал для пальбы сезон.
Это ж надо – пишет «Снятие с креста»!
Плачет по нему сто первая верста.

Ей, художник! Друг мой грешный, помнишь, как
Из мелкашки попадали мы в пятак?
Кто ж мог думать, что и в память, на века
Можно целить просто из дробовика.

*

А поэт? Собак по Пресне прогулял,
В дом вернулся… И решил начать с нуля.
Был он в стае, может, самый главный пёс,
Для хозяйки и стихи и тапки нёс.

А теперь над Пресней колокола медь.
Если пёс, то псу тогда собачья смерть,
Если конь, то над барьером жилы рвать,
Если лось, то в глушь подранком умирать.

Только, что я? Это ж люди – не зверьё!
Где здесь правда? Где здесь бред? Где не моё?
Был апрель… И он бы тоже миновал.
Одиночество стреляет наповал.

*

У отшельника на сердце много ран –
Не летит сова и не бежит джейран.
Расплывается в дождинках акварель,
Не играет бузиновая свирель.

А Москва-река вдруг хлынула свинцом,
Хмурый день пришёл с потерянным лицом.
На секунду всё вокруг заволокло.
Вот и нет берёз-ровесниц под окном.

Три ступеньки, тридцать метров. День за днём.

Коль приедем – обязательно зайдём.
Мы приедем… Не закрой дверь на засов!
…Кто покормит вдруг осиротевших сов?

*

…По Грузинской мальчик в зоопарк спешит,
А в руках бумага и карандаши.
Интересно, что он будет рисовать?
Я-то знаю, будет белая сова.

…Гарри Потер – всех обиженных герой.
Понимающий язык зверей порой...
Здравствуй век! Иных кумиров всем дадим.
До свидания, Андреи и Вадим!

2000, 2001

ВЕЛИКИЙ
ВОДОРАЗДЕЛ
ВАЛДАЙСКАЯ
ТЕТРАДЬ

Валдайская молитва на старом капище

Заступитесь травы за меня.
Я любил вас, вам не изменял.
Поклонялся поймам и лугам,
Солнечным опушкам, берегам,
Валунам гранитным и воде…
А за эти сосны я радел.
Заступитесь, тростники озер,
Вот он я – валдайский фантазёр.
Я стою, вдали оставив кров.
Ива, защити от злых ветров.

Кто от слов неверных заслонит?
Кто на помощь с дальних стран летит?
Не стрелял. Гнезда не разорил –
Заслони крылом, хоть до зари.
И не от Бутырки и сумы –
Спрячь от всей неправедной хулы.
Вот он я, открытый как мишень.
Я зову лосей, куниц, мышей…
Не тушуйтесь, не пускайтесь в рёв…
Не оставьте, милое зверьё!

Вот уж перед кем не виноват...
Вот уж, где не смятая трава.
Помоги, любимый человек!
И мои слова опять к траве.

…Заступитесь травы за меня.

2001, 2002

Осень на Кижах

памяти друга, художника Андрея Людоговского

У птиц нечаянные радости –
Пробита солнцем туч броня.
Гусиный клин Кижей едва достиг
И дальше тянет за поля.

Художник ищет настроение.
Мелькнет штормовкой у рябин.
Несостоявшимся творением –
Гусь с дырочками от дробин.

Для натюрморта с дичью-ягодой
Потребовалась горсть свинца.
А ветер всем разнес, как ябеда,
Рассказ от третьего лица.

Что по нескошенным осочникам
Художник в осень заспешил,
Сентябрьскими, не очень сочными,
Легли мазками камыши.

Был выстрел по усталым странникам.
И стало мерзко... Аж знобит.
Кричала птица в небе – ранена.
А этот рухнул вниз. Убит.

Быть натюрморту с дичью бледною,
С карминным крапом на листах...
Над елью церковь с крышей медною
Летит по небу без креста.

Сентябрь, 1986

Валдай

Этих рваных берегов
То песок, то комья глины,
То кирпич церквей старинных,
То осколочки его.

Заповедник для зверей,
Птиц, лягушек и растений.
Вот деревни русской тени,
Вот – не срезана свирель.

Чуждым пятнышком – аншлаг.
Но – пустое ждать рубежность.
Зримой нитью – неизбежность,
Замедляющая шаг.

Меж российских двух столиц
В лес войди, смотри и слушай:
Много у воды и суши
Непрочитанных страниц.

1980

Валдайский дождь

А на планете дождь идет.
Притихли птичьи голоса.
Дождей настала полоса
И время гроз еще придет.

Притихли птичьи голоса.
И путник, не обретший кров,
Пытается из мокрых дров
Сложить костер в сырых лесах.

Дождей настала полоса.
Не тех, что – дачный преферанс,
А тех, вгоняющих нас в транс,
Когда вдруг веришь в чудеса.

А время гроз еще грядет,
Планета вымыта до дыр.
Боюсь, не хватит нам воды,
Но снова где-то дождь идет.

1986

Вышний Волочок

Сухой земли был пятачок
Пути Варягов в Греки…
На нем родился Волочок,
Где волок из рек в реки.

Такой осенний в цвете туч.
Не серый – серебристый.
– «Ты камеру не очень мучь –
Получится не чисто».

Вот и проехали за миг.
– «Так что это такое?»
И лбом к стеклу опять приник.
– «Наверно Бологое?».

А я, даже закрыв глаза,
Представлю – без плаща там
В дождь шел смотреть на образа
По мостовым дощатым.

Потом на мостике курил,
Укрыв огонь ладошкой.
Конечно, это вам не Рим…
Венеции немножко.

1974, 1993

Деревня поэта

Вот позади остался лес
И мы в бревенчатом раю.
Скорей от ливня под навес
У самой речки, на краю.

Нам здесь дан отдых за труды.
Нам завтра рано выступать…
Эй, кто там бродит у воды!
Эй, кто мешает рыбам спать!

Но… Ночь до дна проговорим
О космосе и о реке.
И тронем дальше до зори,
Без сожаленья, налегке.

Пять бабок, сильно пьющий дед,
Два пса и кошка на печи.
Но псы не лают нам вослед,
Лишь чайка от реки кричит.

Псам не знакомо слово «враг»,
Дед руку в Польше потерял
И у него наверно рак…
И с этим трудно в егерях.

Церковным красным кирпичом
На солнце сельский клуб горит.
И бабкам есть теперь о чем
Хоть до обеда говорить.

Мол, были люди ночью тут.
Чего-то ищут. В помощь Бог!
Жаль только нашу красоту
В двадцатых он не уберег.

Так и живут здесь много лет:
К реке тропинка на мостки…
Когда-то жил здесь и Поэт
Но умер в городе с тоски.

1974

* * *

Дождей хватает в Амстердаме
Платанам старым и домам.
А море – просто пополам.
Вот так вот доверяй преданьям –
Географическим томам.

Что нам каналы в Амстердаме
И их дежурные мосты!?
Здесь кораблей парад застыл,
Закрыт им путь в морские дали,
Которые теперь пусты.

Царь Пётр бредил Амстердамом:
Ах, *ветр* морской, как ты упруг!
Ах, юный город Петербург!
В Россию вбит одним ударом,
Как Амстель в царскую судьбу.

Лишь ночи те же в Амстердаме.
Векам и волнам вопреки
Спешат вдоль берегов реки,
В наколках, шрамах и медалях,
К своим красоткам моряки.

Я растворенный Амстердамом,
Его смешливою толпой,
Как будто начался запой,
А питие дается даром.
Лишь будь как все – ходи и пой.

Дождей хватает в Амстердаме…

2002

Последний лед

В. Деулину

Поверь, здесь все совсем другое –
И небо, лес и колея,
Когда ты через Бологое
Летишь в Валдайские края.

А пред зарей мерцают звезды,
Заплаты белые снегов
Сигналят, что еще не поздно
Весенних навестить богов.

Журчат средь елей чудо-речки:
Одна – на север, две – на юг.
И бьется паренька сердечко,
Когда здесь окуни клюют.

Деревня. Сгнившие мосточки,
Да баньки, вросшие в ивняк.
Но еще рано ставить точку,
Раз эта песня про меня.

На них пруды, как ожерелье,
И в каждом щука, караси.
Таких речушек, к сожаленью,
Все меньше на тверской Руси.

Там перекаты – по колено,
Там омут стережет сосну.
Мальчишки там плот в три полена
Варганят каждую весну.

Я знаю твердо эти речки.
Чье детство было без таких,
Тот не поймет меня, конечно,
Но я пою не для глухих.

2004

Апрель

В сумерках, перед закатом
Окунь как чёрт клевал.
Лед был толстый, сверху укатан,
А вдали бормотали тетерева.

Горстью из лунки воду
С озёрными льдинками пил.
Эй, кто разбудил природу,
Живой водой окропил!?

Сижу, страсть не отпускает,
Вглядываюсь в сторожок.
Лель меж берез мелькает
И звук – то свирель, то рожок.

Без умолку в такт болтая,
Мчит речка по валунам.
И облака разметая
Встает в багрянце Луна.

Вот это – Апрель! На грани.
Жаль грань эту утерять.
Кто страстью рыбацкой ранен,
Тот должен меня понять.

Ты вызови на откровенье,
Спроси, как тебе апрель?
Апрель мой – на льду мгновенье.
Был лёд, а теперь – купель.

2004

*** * ***

Дождь в декабре и до монастыря
Зеркалье водное на льду – ходить опасно.
А я иду, пешнею лёд дыря,
Меж облаков высматривая Спаса.

Храни меня, я искренний твой раб,
Я благодарен и доволен малым.
Все передумать и постичь пора:
Мгновенье жизни и прощанье с мамой,
Слова, не сказанные вслух отцу,
И незаконченные споры с другом…
Но дождь течёт как слезы по лицу,
А я у острова в тумане кругом
Блуждаю. В мыслях – дети и жена.
И вновь теряюсь… Что за наваждение!.
Постичь сей путь, я верно, пожелал
И вот теперь творю водохожденье.

Вблизи, вдруг слышатся колокола,
А звонким эхом отвечают дали.
Видна деревьев льдистая кора,
Кресты над куполами заблистали.

Я знаю, что обратно нет пути,
Лед будет тоньше, а пешня тяжёлой…
Спаситель, я все понял – отпусти,
Молитвой поддержу, свечой зажжённой.

Когда рискуешь телом и душой
Для смысла бытия – не для улова,
Тогда идти обратно – хорошо...
И я пошел… Чтоб возвратиться снова.

Декабрь, 2004

* * *

От грустных под дождём прогулок
Среди мокреющих стволов,
Где звук далеких гроз так гулок,
Зато так звонок ворох слов,
Устанешь. Мыслей пестроцветье,
Мельканье лиц и облаков.
Дойдешь до перевала – ветер
Столкнет в каньон… И был таков.

Откроются такие дали,
Такой немыслимый простор,
Другие стороны медалей
Познать успеешь на все сто.
И память рвется на фрагменты –
Так клены делятся листвой.
Моменты, а не жизнь, моменты
Теряешь молча с высотой.

Но вдруг подхватывает ветер,
Потянет вверх… И вновь парят
Дни. И как Бог тебе наметил
Ложатся друг за другом в ряд.

…Опять тропа средь паутинок,
Её нам ветер подсушил…
От мокрой тяжести ботинок
Лишь веселее на душе.

Раббе, Италия, 2005

* * *

Памяти Миши Глазова

Что истину искать в непознанной земле?
Она как яд – опасна, безнадежна.
Укус змеи, всего укус змеи
И истину найдя, теряется надежда.

Едва заметен путь мой в девственных горах,
Звериная тропа не для ориентиров.
Но кто-то вдалеке, кричит: Пора!
Брать нужное и оставлять квартиры.

В воде ищи круги – следы небытия.
Тревожные дано узнать мгновенья.
В оставшиеся дни ждать будем ты и я,
Что бешеный огонь подарит обновленья.

Но как найти нам то, что и не исчезало?
Ведь истина-змея не оставляет жала.

Раббе, Италия, 09.09.2005

Сцена первая. Верона. Площадь.

Между Миланом и Тренто
Поездом три часа ровно.
Узкой дороги ленту
Рвет пополам Верона.

Сцена первая.
Верона. Площадь.
Темнота. Опускаю веки.
Я – один. Избежать проще
Одному столкновенье с Монтекки.

Платанов, смоковниц кроны,
Винограда густые плети…
В твоих улочках узких, Верона,
Деться некуда от Капулетти.

Приключений ищу, драки,
По задворкам хожу-блуждаю.
«Эти чертовы ранние браки,
Не к добру они!» – рассуждаю.

Почему это здесь, в Вероне?
Не в Париже и не в Тамбове?
Разве города нет, кроме,
Разве воздуха нет более?..

В ночь шагаю легко и смело.
Веря, что здесь каждое лето
Вновь из Мáнтуи мчит Ромео,
Навсегда умирает Джульетта.

Верона, Италия, 07.09. 2005

* * *

То глина, то песок,
То шире, а то уже
Тропинка. На мысок
Встаю, чтоб мимо лужи
Пройти. В ней облака
Бегут себе на Север,
Как пена с молока
Вдоль берегов кисельных.

Я за июль бокал
Поднял с речной водицей.
Ее мне в дар Ока,
Чтоб заново родиться,
Дала. С опаской пьешь
Такое угощенье
И снова летом ждешь
Чудесных превращений.

Вот и июль мелькнул,
Не дав тепла в приметы.
Мы выбрали страну,

В которой краткость лета
Для спорых дел дана –
К зиме готовить сани…
Уже спешит она
И мы спешим к ней сами.

Июль–август, 2005

* * *

Глотая горький воздух города,
Дивясь его больной личиной
Иду по городу без повода
И улыбаюсь без причины.

Не все мной силы ему отданы.
И в тополиный пух заправленный
Он так не любит своих подданных –
Закомплексованных, затравленных.

Не гимны голосами хриплыми
Нам петь ему устало хором.
Все сообразно с его ритмами –
Трамвая звон, сирена скорой.

Но все ж люблю Москву до одури,
До ломоты сердечной мышцы.
Своему городу не додали
Мы теплоты. Он нас не слышит.

Он как зачитанная книжица.
Листаю вновь страницы-улицы
Москвы. А город со мной движется,
Грустит, смеётся или хмурится.

Декабрь, 2005

В пустой деревне

В. Орлову

Скучно. Чая черного янтарь
В блюдце белое налить я не спешу.

Дую, обжигаюсь, пью как встарь,
На окно замерзшее дышу.

Дом напротив словно вымер. Без огней.
Вытаю ладонью квадрат.
И еще дышу в стекло сильней –
Ночь согреть и мир весь буду рад.

Встану и по снежной целине
Выйду затемно удачу испытать.
Хорошо хрустеть по насту при Луне,
Напролом идти до озера, плутать.

Грустно. Ветра трубного вдохну.
Примостившись здесь у печки на краю.
Никого. Закрою книгу и махну.
И не знаю – я в Аду или в Раю?

Вазуза, 2005

* * *

Жизнь как самосожжение
На морозном кругу,
А мое продолжение –
На другом берегу.
Не успеешь оттаять
У лесного костра,
Вновь поверить заставят,
Как ножа сталь остра.
Мне огонь или плаха,
Мне костер иль топор?
Мне смеяться, иль плакать?
В спину мне иль в упор?

Все просил и сердился,
А в ответ – ни гу-гу.
Может быть я родился
Не на том берегу?

2004

* * *

Поставит точку в тексте осени
Московский, тихий снегопад.
Но вижу, вижу я воочию
Как снег ложится многоточием
И ударенье невпопад.

Припевы грусти песен города
В ритм сердца – вечный перифраз.
И жизнь вдруг сразу успокоится:
Лед мостовой под утро колется.
Зима пришла. В который раз…

2006

Там за озером, там за плёсом

В. Рогоцкому

Там за озером, там за плесом,
Задевая багрянца свод,
Водят солнечные колеса
Предзакатный свой хоровод.

Дальше – новые плесы за лесом.
И чем дальше – еще родней.
Листья сыплют желтой завесой,
Листопадом ушедших дней.

Нам ли верить с тобой в приметы,
Вечность этих вот берегов?
Только знаю – кончилось лето
И уже не вернуть его.

Если солнце садится в купы
Пожелтевших мокрых берез,
То туманом будет укутан
Мир, а утром придет мороз.

И стеклом покроются лужи,
Вслед – закраины малых рек.
Когда холодно больше нужен,
Очень нужен всем человек.

Мы лесною хрустим дорожкой,
Режем мерзлые грозди опят.
Нам Валдай стал еще дороже,
Хоть в туман он одет до пят.

Пусть пропали его дали,
Остров спрятала пелена.
Мы не можем жить без Валдая,
Но и он не может без нас.

2006

«Ах, скажите, чьи вы…?»

Какие бы песни не пели
и не испили ручьи…
Но перестрадали апрели.
А в мае? Вы – чьи?

Твои мы, Угра, Ока, Клязьма.
Твои мы, болота Твери.
Твои, мелколесная Вязьма.
Озерный Валдай, мы твои!

Я твой, берег быстрой Вазузы,
Здесь реял рыбацкий мой флаг.
Я твой, беломорские шлюзы,
Здесь в камешке каждом – ГУЛАГ.

Не буду заглядывать в Святцы,
Когда же души мой престол.
А буду... Я буду стараться.
Быть чьим-то на век, на все сто.

1996

Памяти Виктора Рогоцкого

Как ляжет черная плита,
Где край гранитный груб,
Наступит в мире немота…
Одним движеньем губ
Я расскажу тебе о том,
Что кончен плен лугов,
Лес остывает, а потом
Недолго до снегов.

Продолжу длинный монолог
Движением ресниц.
Скажу: Валдай в дождях промок
Грустит меж двух столиц.
Его возвышенная стать –
Зимы форпост опять.
А снежной книги пролистать
Страниц осталось пять.

Прочти, попробуй, взгляд пойми.
Как трудно было мне.
Я верность, как и ты, хранил
Валдайской стороне.
Ноябрьская в ней тоска
К земле гнет голый сад.
Я путь окружный отыскал
Вдали от всех засад.

Когда наступит немота,
Когда лишусь я слов
Пойму, что жизнь не промотал,
Как вечный птицелов.
За птицей счастья не бежал,
Не рвал ей пёстрый хвост.
Я свой кулак с зерном разжал,
Встал в поле во весь рост.
Стою, бешусь от немоты,
К словам и крикам глух…

А стая птиц до темноты
Зерно брать будет с рук.
И, наконец, остынет мир.
Но как все сорок лет
Снег покрывает город в миг.
А где ж твой первый след?

Ноябрь, 2007

По реке жизни

Мне б пару сосен – облака люблю.
Пусть ветви достают до самых высей.
Мы еще спросим, стоя на краю:
Что есть на свете выше наших мыслей?

Валун с Валдая мне б на сотни лет.
На нем слова из самой грустной песни.
Опять листаю книгу – жил поэт,
Который знал, что умереть уместней.

Мне б дым над домом и в оконце свет,
И истина меж строчек книг серьезных.
Над главным томом я склонюсь. Ответ
Найдется ночью, только будет поздно.

Мне б в лес пасхальный, но чтоб свой апрель,
Один и без врагов, лишь с посвистом тревожным
Синиц нахальных… И чтоб одурел
От неба и лугов с их синью невозможной.

Мне б так, как есть. Чтоб в лад, не вопреки,
До сокровенного… И сердцу чтоб разжаться.
Хочу, чтоб здесь сливались две реки,
И омута нас звали задержаться.

И так идти, по берегу, следя
За брошенным листом, за щепкой и за ритмом.
Ах, как летят дни жизни, как летят!
Не успевая, в том числе, за рифмой.

1997

* * *

Четвертый день снег гонят журавли.
Четвертый день никак мы не доспорим.
Все чушь какую-то друг другу порем,
А снег летит и тает у земли.

Во мне языческий проснулся дух:
Деревья, рощицы и купы ив – священны.
И в этот миг предзимнего вращенья
Я каюсь посреди сезонов двух.

Все потому, что выбор – не по мне!
И дождь, и снег – все лётная погода.
Давно восстала против всех природа.
И ей здесь «на войне как на войне».

Я знаю, осень – нынешний мой век:
Тепла хватает, но ветра студёны,
Не все мной идеалы превзойдены...
Но разве совершенен человек?

Зачем природа раны бередит?
Зачем мне о годах напоминает?
И ей деревья сонные внимают...
Да снег, что к ледяной земле летит.

1999

* * *

Есть гулять где глубинке
После майских трудов:
По траве-ястребинке,
Средь кувшинок прудов.

Надеваю очёчки,
Чтоб вблизи разглядеть
Перемены почётче,
Все, чем лету владеть.

Переливы бронзовок,
Томных та́волог гроздь –
Их не спрятать от взоров,
Куда взгляд свой не брось.

Без набоковских бредней,
Без его же сачка
Вижу луг пёстролетний –
Вот спасибо очкам.

Только день долго тает,
Устаешь от него.
Пир июньских деталей
Непонятней всего…

Вплоть до бабьего лета,
До сентябрьских гроз
Оставлял без ответа
Такой нужный вопрос.

Он с ума меня сводит,
Сердца ритм с ним сильней…
– Так куда же уходит
Пестрота летних дней?

А ты тоже подумай.
Думать лучше вдвоем.
…Но вдруг снова задула
Осень в парке твоем.

2002–2003

Монгол

Государство на колесах,
Войлок стен домов.
Мы дошли до волжских плесов,
Киевских холмов.

Не грусти. Ты – между нами.
В небо окунись.
За стадам, табунами
Бегай, не ленись!

Не были ни разу биты,
Мы – степная рать,
Мы рождались здесь в кибитках,
в них нам умирать.

Ты на берегу высоком,
Она – на другом.
Камень здесь, но лишь песок там,
Милый мой монгол.

Не было в любви той тайны,
Горя и тепла.
Только снег в логах растаял
Жизнь вновь потекла.

По ковыльной, типчаковой,
Весь чумаз и гол
По степи шагает новый
Маленький монгол.

Хорошо монголу спится,
В снах – родимый край,
И отец… На кобылице
Мчится к небу в рай.

2007

Весенние пожары

Апрельских луговых пожаров
Змей огненный ползет в ночи,
Съедая пласт травы лежалой,
То щелкает, а то – урчит.

Забава русская тупая –
Пускать весной на волю пал.
Так перед Ханом, отступая,
Жгли степь, чтоб он не наступал.

Его лошадкам низкорослым
Очес по нраву травяной:
Зимою снег копытят сносно
И ветошь пользуют весной.

Всё государство на колесах,
Дома – и войлок и остов.
От Селенги до волжских плёсов
Дыхание степных костров.

Когда огонь ест травы – голод
И песен смерти стройный ряд.
Степь – дом. Степь – мир. А русский город…
Он тесен для кибиток, стад.

Не знаю – правы иль не правы?
Жаль смыла истину вода
Веков.
Одни сжигали травы,
Другие жгли их города.

2004

* * *

Вот дерево упавшее лежит.
Оно молчало, падая на землю.
Я смерть такую просто не приемлю –
Кричи, борись, цепляйся!.. Надо жить!
Жить, зеленеть, стихиям вопреки.
Шуметь листвой навстречу птичьей стае.
Ты поднимись… Мы сможем… Наверстаем.
Вставай, живи, как прежде, у реки.

Корнями доставай глубин раствор,
Пей из планеты эликсир рожденья.
Ну. Поднимайся… Что за наважденье?
Как быстро под рукою стынет ствол.

1983

Язычество осени

Каким богам мы поклоняемся?
И у кого прощенья просим?
Кого боготворить пытаемся?..
Ответь, языческая осень.

Скажи, как это получается:
Кричат под ветром криком липы.
И сердце болью облучается
Пред леса деревянным ликом.

Нам не бояться повторения
Того, что шло во время оно.
И вот, как прежде – сотворение
Богов лесного пантеона.

Здесь храм. Лес, люди – обнимаются.
Деревья быстро боль снимают.
В грехах нам помогают каяться...
И с полуслова понимают.

Здесь мысль о золотом сечении
Приходит, когда видишь ели.
И с гипнотическим влечением
Ветвей рисуешь канители.

И вместе с дубом и осинами,
Воздев до неба ветки-руки,
Мы с упоением просили нам
Немного жизненной науки.

Но холоднее моря Карского
Тех плачей медленные воды.
Ни с русского, ни с тарабарского
Здесь не прижились переводы.

Лишь сосен шум – басы органные.
Их слышишь, коль прижмешься ухом.

А в кронах ветры ураганные –
Кануны нарожденья Духа.

На горке выбираешь капище –
Чтоб звонче музыка звучала.
Но лист сырой. Скользишь и катишься...
И начинаешь все сначала.

1999

Грех?

Слепой певец:
Вот докатил Сизиф свой грех,
Свой камень до вершины горной.
Кричали все: Какой упорный!
Какой успех! Какой успех

А та, что на Земле ждала,
Устала ждать здесь под горою,
Не вышла «славу» петь герою,
И вдовье сердце предала.

Цвела безумная сирень.
Все радовались: «Грех искуплен.
Не зря Сизифа вены пухли,
Не зря трудился ночь и день».

Дон Жуан:
Такому наказанью рад.
Готов катить, коль грех прощают.
Страшней, когда он жизнь смещает,
Когда зовут ступени в Ад.

Представь, Слепец, что ты в Аду,
И катишь вверх, на Свет свой камень…
И так – годами и веками,
Конца нет твоему труду.

А жизнь – ступеньки вниз и вниз,
В грехе, не подавая вида…
Но разве можно от Аида
Уйти?..
Слепой певец:
Что за каприз?
Твои поступки не для Ада.
Тебя другая ждет награда.

1997

В поисках Дон Жуана

Как доверяю – доверяюсь,
в глаза смотрю и не пойму,
и каждой клеточкой влюбляюсь
и верю до конца ему.

Он милый лжец. В нём Дон Жуана
нет ни на грош, но почему
которое столетье Анна
взгляд дарит одному ему?

И обретя вдруг обожанье,
ему вопрос задашь прямой.
Но после – только губ дрожанье
и мысли: «Мой или не мой?».

Кто ищет Дон Жуана? Вера
тому поможет. Чист их путь –
кому избыток, кому мера.
Ему – удары шпаги в грудь.

Жить просто с ощущеньем правды,
но ревность губит простоту.
Любовь и ревность – среди равных,
но кто-то ставит не на ту.

И сжав до боли руку, ревность
Стремится в никуда вести.

У ревности простая верность,
как прежде, не в большой чести.

…В руке его фонарь. Он близко.
Зажгу и я в ответ свечу.
Но что держать ее так низко,
Иду навстречу… Нет – лечу.

2002

* * *

Где ты, соперник Дон Жуана?
Где ты, соперник Казановы?
Уже давно скучает Анна
И ждёт в смятение страсти новой.

Закат сменяется рассветом
И тот, кто растопил лёд вдовий,
Уходит, подгоняем ветром,
Дворец оставив Командора.

Его соперник вместе с Анной
Смеётся над наивным доном…
Как ему нужно было мало,
Как много отдал. Прочь от дома!..

Но смех любовников не долог.
Там Командор спешит. Расправа
Грозит непостоянной донне…
Но Дон Жуан наносит справа
Удар по каменной махине.
Лишь искры в мраке коридора.
Дон всё твердит пред смертью имя
И не пускает Командора.

Он был – свидетель нежеланный.
Я дальше продолжать не стану…
Но гибнут, гибнут Дон Жуаны,
Спасая от бесчестья Анну.

2002, 2003

* * *

«Раз! В живот вонзают лезвиеце
и человек раз-ре-зы-вает-ся.
Два! И человека нет. Привет!»
С. Кирсанов

А как дожить – не выцвести
Страничкою письма?..
Змеёй, пропахшей известью,
Больничная тесьма
Вдруг обовьёт и врежется
Лианой – жёсткий хмель.
И света нет, лишь брезжится
Стен голых акварель.
Плывут от двери пятнами,
Болтая ни о чём
С приказами невнятными
Сестра с моим врачом.
Умру без завещания,
А это не беда.
В сценарии прощания
Слов о себе не дам.

Ах, не лечиться лучше бы!
Жизнь смысла лишена…
От скальпеля жизнь лучиком
Мелькнёт – и тишина.

Кемптен, Германия, 2006

The script from garden of Eden

Здесь в райских садах-огородах
То арфа, то нежный рожок
Играют, но мало народа,
Живой мой, далёкий дружок.

Здесь зелени тропиков вдоволь,
Нельзя лишь испечь пирожок.
Силён это первый твой довод,
Живой мой, далёкий дружок.

Здесь нас не бранят, и не судят,
А истины диспут свежо
Звучит. Нет здесь рока и судеб,
Лишь вечность, живой мой дружок.

Здесь я вспоминаю земное,
Но к вечности сделав прыжок,
Душа моя всё-таки ноет,
Тоскует, живой мой дружок.

И пусть не был светел мой повод,
Мосты я не правил, не жёг…
Поэтому твой второй довод
Бессилен, живой мой дружок.

Здесь в реках лазурных форели
Беснуются. Вечен их жор.
Но страсти рыбацкой в апреле
Лишён я, живой мой дружок.

Слов нет мне в своё оправданье,
Но раз тебя Бог бережёт,
То ты не спеши на свиданье
Со мною, живой мой дружок.

2006

* * *

Жизнь как самосожжение
На морозном кругу,
А мое продолжение –
На другом берегу.
Не успеешь оттаять
У лесного костра,
Вновь поверить заставят,
Как ножа сталь остра.
Мне огонь или плаха,
Мне костер иль топор?

Мне смеяться, иль плакать?
В спину мне иль в упор?

Все просил и сердился,
А в ответ – ни гу-гу.
Может быть я родился
Не на том берегу?

2004

* * *

Не дай мне Бог уйти не на бегу,
Во сне, не заглянув в окошко свода.
Чтоб правнуки, толпясь на берегу,
Смогли сказать «Прощай!» без перевода.

Я умереть хочу здесь на реке
У омута, куда мой след протоптан.
Чтоб сил хватило встать, держа в руке,
Удилище со снастью допотопной.

Форели лунной слышу дальний всплеск.
Почувствую, что все – не как обычно,
В глазах померкнет вдруг азарта блеск,
Я оступлюсь, не справившись с добычей.

И сердце стиснет вмиг холодною тоской,
А Млечный путь мне полетит навстречу...
Какой-нибудь Хемингуэй тверской
Напишет повесть обо мне «Старик и речка».

2001

Камертон

Сегодня двор в единой ноте:
Призыв играющих в лото,
Старуха дряхлая колотит
Лаптою драное пальто.

И ветка липы ледяная
В окошке женщины дрожит.
А та поёт и нить вдевает,
А «Зингер» правильно жужжит.

Скупая песня на излёте,
Да нервный дворника скребок.
Дворняжки лай. Он в той же ноте –
Далёк, зануден, одинок.

Как будто бы по камертону
Настроил звуки зимний Бог.
И вслед за яблоком Ньютона
Я молча падаю в сугроб.

Так боль внутри многоголосна:
В ней «Ля», и «Си», и даже «До».
Жилось на свете раньше сносно,
Да вот сменился камертон.

2009

Бабье лето

По аллеям краснеет рябина,
Но усталым птицам не до юга.
И от пёстрых листьев зарябило –
Листопад, но скоро будет вьюга.

Всем понятен – мне, тебе, природе –
Этот миг тепла среди ненастья.
Но зато как кровь по жилам бродит!
Но зато как веришь в случай-счастье!

Словно шанс самой природой данный
Отложить дорогу, путь не новый,
В ожидании небесной манны
Зацвести и обмануться снова.

Нас, давно обманутых природой,
Много здесь живёт на белом свете.

В сладком сне: чуть солнце – год от года
Мы твердим, твердим о Бабьем лете.

Как расковыряешь жизни ранку –
И сентябрь в сердце станет мартом.
Сотню Бабьих лет опять цыганка
Нагадает по краплёным картам.

Ну а ты не верь в моё ворчанье.
Прям не жизнь, а метеопрогнозы!..
По законам, а не от отчаянья
Наступают зимние морозы.

Пусть на все прогнозы будет вето,
А не то – такое напророчишь…
А когда наступит Бабье лето?
Я не знаю… Да когда захочешь.

2002

Памяти В.С. Залетаева

Не мелькнёт в толпе береточка –
Вдоль Басманной ей не плыть.
Как сосательной канфеточкой
Скромный чай не подсластить.

Ах куда Вы, в даль полынную!?
Волга вспять давно течёт.
Кто от жизни не отлынивал
Не берёт её в расчёт.
В Туркестане беды-бедные:
Сохнет сердце и Арал…
А кок-чай – привычка вредная –
Убивает наповал.

Волжский пыл, мечта туркменская,
с немосковским говорком…
Ваш уход как боль вселенская
Тех, кто с Вами был знаком.

Вот уж точно – евразийская
Успокоилась душа.
Та, что с простотой российскою
На восток всё шла и шла…

Как у воина безногого
Всё равно нога болит…
В синем небе одинокая
Птица грустная парит.

1998

* * *

Не обивайте зря пороги,
С сумой по весям не спешите.
О вас давно забыли боги.
Но в них поверить вновь решитесь.

Вам принесет с апрельским ветром
Вино и хлеб усталый странник.
Найдет, отыщет по приметам
И постучится утром ранним.

Он, как и вы, троп камень крошит,
Устало взгляд бросает в небо.
Он всеми позабыт и брошен…
И горек вкус чужого хлеба.

Но только просьба – не пасуйте.
Вы не последний и не первый!
Откройте жизнь ему до сути,
А душу – до больного нерва.

Растопит хлеб лед отчужденья.
Вино язык развяжет спящий…
Вот и второй ваш день рожденья!
Увы, совсем ненастоящий!

Раз так – дорог российских россыпь
Лежит пред вами в лужах-блестках.

По мхам, по галечникам, росам
Броди до холмика с березкой…

2001

* * *

Четвертый день снег гонят журавли.
Четвертый день никак мы не доспорим.
Все чушь какую-то друг другу порем,
А снег летит и тает у земли.

Во мне языческий проснулся дух:
Деревья, рощицы и купы ив – священны.
И в этот миг предзимнего вращенья
Я каюсь посреди сезонов двух.

Все потому, что выбор – не по мне!
И дождь, и снег – все лётная погода.
Давно восстала против всех природа.
И ей здесь «на войне как на войне».

Я знаю, осень – нынешний мой век:
Тепла хватает, но ветра студёны,
Не все мной идеалы превзойдены...
Но разве совершенен человек?

Зачем природа раны бередит?
Зачем мне о годах напоминает?
И ей деревья сонные внимают...
Да снег, что к ледяной земле летит.

1999

* * *

Ни дождь, ни снег. Не осень, не зима –
А так, предзимье,
предвкушение прохлады.
Ноябрьский ветер с клена лист снимал
Тебе на память. В парке листопады

В день твоего рожденья пополам,
Со снегом часто. Снегу только рады.
С ним к нам приходит светлая пора –
Любви осенне-зимней – как награды.

10.11.2009

* * *

Когда освободится
сад от своих плодов,
не будет, чем гордится,
до самых холодов.

Вот холод мирно бродит,
налет на травах сед.
В саду ли, в огороде –
его коварный след.

Он инеем на спинах
в траве забытых тыкв,
он погубил люпины
и прочие цветы.

Взывают в один голос
о солнце, видя клин
гусей, и гладиолус
и сочный георгин.

Они бы улетели
вслед в теплые края.
Не выдержать метели
Им. Не приеду я.
Сижу без происшествий
Снег сбивши о порог.
Носки из чистой шерсти,
из шерсти свитерок.

В тепле своих Америк
Я как герой – Колумб,

смотрю себе, как в телек…
На фото летних клумб.

2009

* * *

Трав гибель.
В день покоса луг
Еще занятней и пестрее,
И делая за кругом круг
Степенный лунь
Над лугом реет.

Мир замер.
В этот росный миг
Мелки все прочие заботы,
И рвутся косы напрямик,
И видно – к ним давно привык
Луг, впитывающий капли пота.

Здесь – все борьба.
Но этот бой –
Гимн вечной щедрости природы.
И косари спешат гурьбой,
Как Моисей, перед собой,
Раздвинув волны трав для брода.

2003

* * *

Запоминайте имена
С фамилиями-отчествами
Тех, кто в лихие времена
Проводит вдаль вас с почестями.

Запоминайте номера,
Чтобы во время оное,
Когда придется помирать
Махнуться телефонами.

Запоминайте наизусть
Стихов слова для вечности,
Чтоб там, когда нагрянет грусть
Читать их днем и вечером.

И только имена родных
Не надо брать в Дорогу.
Они отсюда не видны.
Там жизнь… И слава Богу.

2009

* * *

Белый бакен, как любовь
К тем прибрежным перелескам.
Аргумент, конечно веский.
Мне сюда вернуться вновь.

Красный бакен будет в срок
Главных детских достижений.
Доплывешь без напряжений –
Вот и мужества урок.

Потому и манит так
К окским долгим перекатам.
Оживает вдруг река там,
Переплыть её пустяк.

Берег окский зря топтал.
Думал я: «Спустя пол века
Мне Ока теперь как Лета,
А я сам давно Тантал».
Брал нектар я, чтобы жить,
Со стола богов никчёмных…
Красный бакен обречённо
В иле на мели лежит.

2004

* * *

Перестаньте переступать.
Перекиньте перекидной
и страницы-дни наступать
будут по одной.

Вот они опять шелестят
и летят, летят в никуда
от меня.
А в прошлых вестях
открываю ложь без труда.

Жил и умер. Вот теперь-то пора
платье нового кроя шить,
чтобы нынешняя детвора
про героя могла решить.

Мол, какой же он нам герой,
если нажил добра пустяк,
если в платье не тот покрой,
если нёс не туда стяг.

Да и умер он просто так:
не повёл за собой рать.
Без имён вождей на устах
не положено помирать.

Да, он что-то там изобрёл,
Да, он этим полмира спас…
Как-то я на могилу набрёл,
В Новодевичьем, в поздний час.

Двадцать первый век на дворе.
Перекиньте перекидной.
Про героя в календаре
И страницы нет… Ни одной!

2012

ПОД СЕНЬЮ
РУК ТВОИХ…

* * *

жене Наташе

Мне в старых домах – не «Ах!..».
Мне в новых строеньях –
Без настроенья.
В землянках, вигвамах, юртах –
Не уютно…
Под сенью рук твоих –
Дом для двоих.

2003

Сентябрь, 1973

Из ста дорого одну мы выбираем.
Где встретиться судьбой нам суждено?
А виноград созрел… Его вино
И вкус, и цвет свой быстро набирает.

Прожить еще нам предстоит в скитаньях
И в одиночестве – лишь миг, как ни крути.
Но эти параллельные пути
Готовят нам большие испытания.

Пока же сон твой сосны охраняют,
Ты слушаешь признания других.
Мне ж о тебе и мысли дороги...

Но уже клёны первый лист роняют
И ждут под сень свою, идущих стороной,
Чтоб объявить их мужем и женой.

Сентябрь, 1993

Май, 1974

Вершится все на небесах.
И наших дней переплетенье –
Венец из луговых растений
В твоих весенних волосах.

Вершится все на небесах.
Под елями, вкруг аналоя
Идём. А солнца блики ловят
Звенигородские леса.

Благословенье получить
Спешим от подмосковной речки.
А волн её молитвы-речи
Не надо наизусть учить.

Промчались тридцать лет. Печально.
Мы ж вновь готовы для венчанья.

1973, 2003

Июль, 1974

Роди мне дочь, чтоб сон ее хранить,
Чтоб песни петь, придуманные к месту,
Чтобы кому-то воспитать невесту,
Не прерывая нашей страсти нить.

Роди мне сына. Я уже во сне
С ни путешествую и забиваю гвозди.
И винограда солнечные грозди
Рву, чтоб вино созрело нам к весне.

Я знаю – жизнь приходит через крик,
Крик – боль, и крик – сигнал, и крик – надежда.
А ты и я – в таких делах невежды.
Пока. Но опыт здесь приходит вмиг.

Кто б детям имена найти помог?
Наверно, до поры хранит их Бог.

Июль, 1974

Июль, 1975

Пока еще молодой
Надо собирать камни.

Соберу их побольше, пока мне
Только двадцать шестой.

Лягу в пахучий клевер,
Буду смотреть пустельгу.
Пусть Гончие псы стерегут
Вишни на Жизни древе.

Ягоды рву. Нет средства
Лучше для жизни. Мне ли
Боятся? Птицы и те онемели
От такого соседства.

Дерзко за годом год
Рвем мы запретный плод.

1975

Июль, 1977

Любить, а не судить,
Не быть судьей поэту.
Я возвращаюсь к лету
Арктической поры.

Ах, как же далеко!
Мне не совсем понятен
Смысл этих снежных пятен –
Стирать их нелегко.

И тема не нова:
Раз двадцать умирая
Шпицбергенского края
Суть жизни познавать…

Закрыть скорей тетрадь,
Где Киплинг с Гумилевым…
Но начинаю снова…

1977

Март, 1979

Родился сын. Дай двери отворить
Пошире для идущей юной мамы.
Давай его положим между нами
И будем долго умно говорить.

О том, что дочке просто негде спать,
Что книги вытеснили нас из дома,
Что кто-то взял и не вернул два тома
Собранья Пушкина… А денег нет опять.

Но сын-то, сын! Он будет нам оплот!
Смотри, какие умные глазищи.
Всего лишь месяц, а нас взглядом ищет.
И понимает, где ему тепло.

Счастливый день. И шепот над кроваткой:
Люблю, люблю. Ох, как была права ты.

1979

Сентябрь, 1979

Как жаль, что климат наш для розы не хорош.
Её цветы нам ждать – одно мученье.
Мне надо укротить к цветам влеченье –-
Выращивать редиску или рожь.

А я сажаю розы каждый год.
Чем нарушаю нормы мирозданья.
И так гублю их нежные создания –
Всему свой климат, место и уход.

Но выпадет зима без холодов.
И распускаются под лета зноем,
Укрытые песком и перегноем,
Цветы тепла – всех видов и родов.

Быть может климат не ругать сплеча,
А просто ждать – свои сезон и час.

1979

Июль, 1980

Все в небесах учреждено.
С терпеньем телемаховым
Давно судьбой испахано –
То, что прожить нам суждено.

Не следует для простоты
Звать слабого противника,
И звона ждать полтинников
В карманах пустоты.

Твой выбор – это только мысль,
Путь, траверс, траектория.
А будет ли виктория?
Да в ней ли только смысл?

Средь прочих в жизни главный приз –
Стремясь вперед, не падать вниз.

1980

* * *

Когда из головы уйдут виденья ночи,
Спешащие дорогой зимней,
Наступит миг, как нож тайком отточенный
Рукой отмщения на камне абразивном.

Не различая книг названий томных,
Звучащих как языческие гимны,
Бросаешь слов охапки. В жаркой домне
Речей их ожидает просто гибель,
Безвестность.

В стих не собранные – лишние
Слова... Им не пропетым, потеряться просто.
Не расцветет морозом тронутая вишня
И ягод нет. И выше человеческого роста
Крапива, подступающая к дому.

Как много лет сад без тепла и слёз.
Пропал хозяин… И тепло унёс.

2000

Птичий рынок

На Птичий рынок по весне
Спеши продать своего зверя,
Постой часок, в удачу веря,
Там, где народ стоит тесней.

– Ты что здесь, милый, продаешь?
– Я продаю свое смятенье,
Весенних чувств переплетенье…
– А сколько ты за все даешь?

– Отдам копеечный покой,
Все выгоды случайной дружбы.
– Скажи, так что же тебе нужно?
Скажи, а нужен зверь, какой?
Вот здесь – окрепший в майский день,
Медведь, бредущий на удачу.
А вот – трудом убита, кляча,
А здесь есть солнечный олень.
Мой зверь, он дикий… Но не плох.
Рычит, жует, ревет, кусает.
Но, правда, в горе не бросает,
Хотя характер – не дай Бог.

Мой зверь – он тем, кто понимать
Готов наш мир – встреч и утраты,
И с ним с утра и до утра ты
Любви не будешь занимать.

– Ну, что ж, беру…
– Ну, что ж, отдам…

1998

На краю

Кого еще не обнял –
обними.
Кого еще не поднял –
подними.
Почувствуй-ка упругость
всех ветров
И сохрани для друга
свет костров.
Испей все вина юга
не один
И молча вслед за плугом
походи.
Переживи достойно
боль утрат,
Да так, чтобы до стона…
Враг пусть рад.

Раздал долги,
а сыну дал клинок,
А дочери косынку –
все, что смог…

Когда же ты приедешь?

Последняя в блокноте строчка:
«Я осени давно не мил».
Ушёл ноябрь. Поставил точку
И суп опять пересолил

Звучит, то в крик, то замирая
Души обманутой мотив…
Что ж праведников мимо рая
Ведут, любовь им не простив.

За что судить? За грешность мысли,
За недописанный сюжет,
За слово – нож, за слово – выстрел,
Стихом искровленный манжет?

За нежность, что ценнее страсти,
Печаль, что слаще юных слов,
За грусть синиц весёлой масти,
Которых ловит птицелов?

Не следует бояться смерти -
Бояться жизни наш удел,
Но только прежде соизмерьте
Добро и зло всех грешных дел.
А то… Грусть – грех… И умирая
Вдруг мысль мятежна – «Пропадёшь!»
И мимо ада, мимо рая
Опять на Землю попадёшь.

1999

Автоответчик

Я звоню – автоответчик
Вторит сутки напролёт.
В аппарате человечек
С твоим голосом живет.

Так ответь мне, человечек,
Где её проложен путь?
Где же прячет её вечер?
Намекни мне как-нибудь.

Подскажи, в каком пространстве
Близость встречи обретём?
Кружевами каких странствий
Мы дороги оплетём?

Отвечает человечек:
«Нас нет дома…».
Как же так?
Целую мы вместе вечность,
Разлучил же нас пустяк.

Человечек, человечек
С голосом таким родным,
Мой к тебе такой Путь Млечный
Вдруг земным стал, обводным.

Он твердит: «Нас нету дома».
Я ему – свою беду.

Вот мы и поговорили.
Что же делать? Я иду.

2002

* * *

Наташе

Я люблю тебя горячо.
Жаль звучит так высокопарно.
Тридцать лет мы с тобою пара,
Я ж тобою, как был, увлечён.

Я люблю тебя горячо.
Как последний закатный лучик –
Обожжет, ослепит, помучит,
Ляжет отблеском на плечо.

Я люблю тебя горячо.
Знаю, что так любить опасно,
Что сгорим… и сгорим напрасно
Словно бабочка над свечой.

Я люблю тебя горячо.
Средь стихий не кляну я долю.
Верю крепко – огонь с водою
Не разрубишь даже мечом.

Я люблю тебя горячо.
Жаль звучит так высокопарно.
Тридцать лет мы с тобою пара.
Я ж тобой, как был, увлечен.

2003

* * *

Не смято первыми морозами
Зеркалье придорожных луж.
Живёт сентябрьскими угрозами
Содружество древесных душ.
Судьба сезонная, кленовая –
Листвы желтейшей пятернёй
На землю падать как виновная
И в зиму уходить с виной.

С собою не ассоциируя
Земли вращенье… Не грусти.
Живи земным, земным бравируя
Ходи, антоновкой хрусти.

О друге думай. Его песнями
Встречай закат и припозднись.
А в зоопарк, шагая Преснею,
Осенних тигров не дразни.

Будь тигром сам, чтоб полосатая
Гроза вставала средь стволов.
А лес пусть знает, голоса тая –
Зверь вышел на осенний лов.

Не спит как символ косолапости,
Не прячет рыло в гущу трав…
Ну, кто там делает нам пакости?
Отведайте тигриный нрав!

2003

* * *

Менять ли осени порядок?
Желтеть ли стройным тополям?
Где взять им новые наряды?
Кто даст свободу полным грядам
И зелень озими полям?

Я в кухонном круговращении
Бьюсь над приготовленьем блюд
Одно из них – салат Прощенья,
Другое, на десерт – Отмщенье…
Спешу, ведь едоки идут.

Молюсь за всех врагов едино.
Пусть будет теплым им жильё,
И след обиды заживёт.
И пусть в их лампе Аладдина
Джин исполненья оживёт.

Когда же выпустят из плена
Мой карнавальный листопад,
Обрадуюсь такому мену,
Зову на помощь Мельпомену
И корчу рожи невпопад.

Открытый всем – снегам и ветру,
Друзьям, врагам (их слышу крик),
Открыт на сотни километров
Для слов, медалей, пули меткой,
Как покорённый материк.

Ты, заслонить меня пытаясь,
Незримым ангелом паря,
Не грешница и не святая,
Лишь ты одна, врагов сметая,
Спасаешь тридцать лет подряд.

2004

Памяти Л.Р. Серебрянного

Кто умер в этом доме?
Кто дальше жить не смог?
В каком, скажите, томе
Найду я некролог?

На Авиамоторной
Не стало москвича,
В квартире непросторной
Погашена свеча.

Ему слова простые
Сказать я не успел.
От горя мы застыли,
А жаворонок – пел,
Снег таял, вскрылись реки,
Мальчишки строят плот.
Но нету человека…
А есть весны тепло.

2001

* * *

Дробили солнце на куски
Деревья вдоль дороги.
Дороги были нам узки –
Не в лад шагали ноги.

И пели песни мы не те.
Наш клин гусиный в марте
Из душных городов летел
На покоренье Арктик.

Но наступили времена
Совсем другого свойства.
Мы стали меньше пить вина,
Забыли о геройстве.

Теперь уже не покорять
А наблюдать и мерить,
Не в глубь бросаем якоря,
А изучаем мели.

Дороги больше не узки –
Ну, просто магистрали…

И мы по-прежнему близки,
Но жаль, другими стали.
2000

Яблочный Спас

До Яблочного Спаса
Ты яблоки не ешь,
Ни рыбы и ни мяса
К столу себе не режь.

Хлеб, землянику, сливы –
Ты все к столу тяни,
А Белого Налива,
Папировки? Ни-ни!

Так поступали предки
Задолго до Христа,
И яблоки на ветке
Хранили до Поста.

А тот, кто был допущен,
Тот, кто перетерпел,
Потом он в райских кущах
Всё вдосталь пил и ел.

Конечно, жизнь давала
И повод для постов.
Нам в детстве доставалось,
Поверьте, на все сто.

Но что есть в детстве слаще,
Чем с яблонь зеленец?
Пусть поднят иль утащен,
Иль, что сорвал отец.

В них горечь, уксус, сладость.
Сорву и сберегу.
Кусну, пойму – не в радость,
И брошу на бегу.

Но вот уже вторая
Горсть яблок – «Кушай друг!»
Не думали о Рае –
Он в детстве был вокруг.
2002

Рубище

Не кубок пьянящий пива
Испить за победу… Нет!
А рубище из крапивы
Примерить выпало мне.

Как долго был в ожиданье:
Смогу ли носить наряд?
Всамделишные страданья
Отправят в потешный ряд.

Не мученик и не клоун,
Но только в толпе я нем.
Рябины нагнул крону
И красные ягоды ем.

Я знаю, ты понимаешь –
Злым ветром не переломить
Рубище не снимаешь.
А грех чужой не отмолить.
2003

Лхаса–Ронбук–Москва

Напиши мне на бересте.
Всю бумагу унесло ветром,
И компьютера под рукой нету.
Напиши мне там о Христе.

Напиши мне на бересте
Как дождливый день зарождался.
Кто бы знал, как же я заждался
Здесь простых, хороших вестей.

Напиши мне про чудеса
Умирания и возрожденья,
Умиления и водохожденья.
Напиши про Нескучный сад.

Напиши мне про дочь. Она
Еще верит в сказки и тени,
И боится ночью растений…
Когда вдруг засветит Луна.

Напиши мне про сына. Врут,
Что наш мир и велик и огромен,
Сын в забытом научном томе
Вам отыщет отца маршрут.

Напиши мне на бересте.
Здесь Тибет. Получать привычней
Квадратик коры личный –
Отвечать на сухом листе.

Напиши, пиши, ши, и…

1991–1999

* * *

Тучами управляю
И белыми купами вишен.
Если мой голос слышен
За лесом и за полями,
То можно и править ветром –
Вон он, за ивняками.
Речной камыш увлекает
Вслед за собой. Поэтам
Пьющим он спать мешает.
Я же стою на взгорье.
Не остановить горе
На Земле. Разрешают
Ветром править и тучей,
Паводками в пойме,

Но остановить войны,
Мир сделать чуть лучше –
Это нельзя сделать…
Снова туман стелют
По низинам и склонам.
Бог, он сейчас кто нам?

2004

Памяти Иосифа Бродского

Венеция покрыта льдом.
Гондолам пути нет к туристам.
И водный трамвайчик с трудом
Готов одолеть метров триста.

Вот ностальгии пределы
Поэта среди прохожих.
Не зря над погодой радели
Так на Россию похоже.

Туристы бегут валом,
Кружа лёд как кромку жира.
В предчувствии карнавала
Ветры всех закружили.

Шемякинские уродцы
Беснуются под огнями.
А право их первородства
Пока ещё не отняли.

Чтобы согреться – лихость
Танца. Он разлучает.
А в остальном – безликость,
Смешение масок случайных.

Единственный кто без маски –
Совсем не святой Иосиф.
Стул оседлал из пластмассы,
Сидит, окунувшись в осень.

Во всём – скоморышья мета,
Смех Смерти неотразимый…
Всегда за русским поэтом
Вослед спешат долгие зимы.

1999

Первый весенний день 1966 года

Самый первый,
Самый солнечный,
Пусть неверный,
Пусть до полночи…
Самый, самый весенний день!

Всё кружится,
Всё в движении:
Неба, лужиц
Нагромождение
В самый, самый весенний день!

Снег мается,
В тень просится,
Воском плавится
И уносится…
В самый, самый весенний день!

Но кажется,
Но хочется,
Что ТО – накажется,
А ЭТО – кончится…
В самый, самый весенний день!

31 марта 1966

*** * ***

В. Смирину

А осень оставляет мне автографы
На жёлтых листьях росчерком дождей.
И ветры – опытные хореографы –
Бросают листья в лапы мокрых дней.

Купают вётлы голых веток странность
В свинцовости воды набухших рек.
И осень с чувством, что приходит старость
Ложится под ноги, кончает бег.

Звенигород, 18 октября 1967

Зонтик

Купите мне зонтик.
Я счастье паренья познаю.
Большой чёрный зонтик.
У старого франта я видел такой –
Он шёл по аллее походкой названого гостя.

Купите мне зонтик.
Я выберу дом – башню века.
Он будет высоким и старым
И похожим на слоёный пирог
С начинкой из человеческих судеб.

Купите мне зонтик.
Я поднимусь на крышу
И, как клоун, с открытым зонтом
Пройдусь по раскалённому железу.
Оно будет приятно хрустеть у меня под ногами.

Купите мне зонтик.
Я прыгну, и ветер подхватит меня.
А потом, падая вниз, я буду заглядывать в окна
И желать людям счастья.

Купите мне зонтик!
Я его не сломаю
И верну целым и невредимым.
Оставлю только облачко на пыльном асфальте.

Купите мне зонтик!

1972

Памяти Николая Рубцова

Он множил добрых слов семейство
И делу этому служил.
Он ненавидел неумейство
Как отстранение души.

Вплетал затейливо и смела
В крик флейты бас колоколов,
А нота жаворонком пела,
Сбивая скорлупу со слов.

Слова. В ручьях апрельской боли
Найдём кораблик и для них
И по реке привычной доли
Вплывём в мир чувств совсем иных.

Так ждут после грачиных гвалтов
Прилёт пронзительных стрижей.
Как-будто обещают марты
Нам взлёт июньских виражей.

Он перелистывал гербарий
Экскурсий к другу и в себя.
Ловил взгляд листьев светло-карий –
Такой же, как глаза ребят.

Он множил добрых слов семейство,
Слова в лекарства превращал.
И ненавидел неумейство,
А остальное всем прощал.

1971

*** * ***

Иду, по пояс ёлочки – зеленые кресты
На маленьких могилах духов лесных.
Иду в священном трепете,
Тех ёлок сторонясь,
Чтоб духи не заметили,
Не злились на меня.
Зимы брожу предвестником
В октябрьском лесу
И с их зеленых крестиков
Сбиваю всю росу.

1967

Ноябрь. Звенигород

Н. Ратниковой

Неповторимы ноябри
Своей демисезонной тайной.
И я опять перед Наталией
В солдаты осени забрит.

Служить под флагами осин,
Молчать и петь, терять рассудок
Осенней грусти на год ссуду
В который раз себе просить.

Высчитывать надежды срок.
И чтоб сходилось. Но начала
Не находил, не получалось…
Приметы забывал дорог.

Коль от везенья ты устал,
Иль невпопад твои порывы,
Или рискованны заплывы
Для сердца… А печаль проста.

Вернись скорей под сень пенат,
Где есть смешная песней птица,
Где ты желанен, где не спится,
Где солнце есть и есть луна.

Звенигород, 1973

Лапландия

Н. Ратниковой

Ах Лапландия –
Озёр платина,
Горы близкие,
Сосны – выстрелы
В дымной замети…
Сердцем правишь ты,
Водопадами

И неправдами…
Мхами ластится.
Ели в платьицах
Вокруг озера.
Можно прозевать
Дня зачатие,
А причастие
Ледяной водой
Камне-ручьевой
Будет огненным
С каплей-орденом.

1973

* * *

И увозит меня трамвай
От тебя, в вечно злой февраль.
Рельсы – змеи. И поворот…
Вот и кончился наш разговор.

Воль аллеи тополей ежи.
А трамвай всё бежит, бежит
И листает жома подряд,
А я там, там, где нет тебя.

Может просто закрыть глаза?
Или лучше – стоп-кран и назад?
Только щурится светофор,
Только помнится наш разговор.

Ты такая… А впрочем – всё…
Даже март меня не спасёт.
Я приехал. Визжат тормоза.
Нет. Нельзя мне к тебе, назад.

1973

Время

Был вечер рябины
И утро для ели.

С плеча карабины
Сползать не хотели
Ушел день подранком
За сопки надежды
С полянкой – ранкой
В еловой одежде.

Ответствует утро
За наши охоты.
Но снежная пудра
Стеною. Нет хода!
Охотой отмечен
В зарницах мгновений
Рябиновый вечер
Горящих поленьев.

И с ними, как в Риме,
Цветами горел я…
Но неоспорима
Слов правда. Бьём время!

Бьём хитро, жестоко,
В упор из обрезов,
От самых истоков
Секунды отрезав.
Где надо – капканы…
И в них уже бьются
Часы-великаны
И дни эволюций.

Мы правы в движенье.
И сем многолюдней,
Тем больше броженье
Устроенных будней.
Но снова охоты.
Трофеи не меря,
Навскидку, с подхода
Бьём время!

Сусуман, 1971/1972

Предзимье. Деревня Гигирёво

Предзимье. Простился с птицами.
Простил деревьям наготу.
Телега шепчет и ползёт в саду.
И застревают листья между спицами.

Померкло всё. Нет красок увяданья.
Таинственности нет лесов, полей…
И в коридоры липовых аллей
Летят снега с землёю на свиданье.

Простор ветрам. Шныряя меж стволов
Мстят мокрым деревцам за летнее затишье.
И вот уже на землю пала вишня.
Осенний сад. И вишенных так много дров.

1970

Радуга осени

П. Меланхолину

Радуга осени.
Орден осины –
На груди лист.
Инея проседи,
Лужи красивы,
Воздух кисл.

С легкою ношею
В ноябре, душа,
Поверь следам!
Листьев крошку
Замешал лешак
В настой пруда.

Дикие яблони
Плоды хранят.
Морозным утром
Встречу празднуют

Дрозды и я,
Срывая фрукты.

Вот поброжу
И замру с ружьём.
В ветвях оконце.
День просижу ли?
Но снег с дождём…
И выстрел в Солнце.

1968

Куклы

«А ты поплачь, поплачь… Полегчает»

Жил мастер. Он учил игрушки говорить,
Петь песни и плясать под скрипку.
Срубал молоденькую липку
И начинал над нею мудрить.

И наступал момент – из темноты
Заваленного стружками сарая
На свет являлась чуть ещё сырая –
Большая кукла, с мастером «на ты».
Всю жизнь над куклами он колдовал.
Рождались тёплых рук прикосновеньем…
«Не то !..» – кричал. Как-будто ждал знаменья.
А имена красивые давал.

Нет спора. Всё в них было как у жён
Онежья и Карго*п*ольского края.
Но мастер верил – сбудется другая
И умер, невезением сражён.

Пошла молва. Никто не отличит –
Которые без молока поднялись,
Без люльки выросли, а с кровными сравнялись?
Пригожи все, у всех в груди стучит.

…Пришла беда и каждый отличил:
Где истинные жёны, где – с изъяном.
Просил у неба мастер очень рьяно,
Но плакать кукол всё ж не научил.

Теперь у жизни учащённый ритм.
Давно поют и пляшут не под скрипки.
Но кто-то рубил молодые липки
И новых кукол тайно мастерит.

1970

Серая шейка

А судьбу не кляня,
Я, увы – не летаю.
Пусть забудет меня
Здесь осенняя стая.
И под вишней моей
Круг прощальный, крикливо,
Вдоль сентябрьских аллей
До индийских заливов,
Разгребая крылом
Загустевшие тучи,
Где-то рядом с орлом
Птиц полёт дальний мучит.

Без меня. От меня.
От назойливой просьбы.
Никого не виня,
Птицы по небу в россыпь.
Не за лишним куском,
Не за песнями… Хватит!
Только словно песком
Мелкой дробью окатит.
Пух снежинками вниз,
Предвещая начало.
Пёстрым снегом в карниз
Нам зима простучала.

Улетали, кляня
Боль ружейного лая,
Вы спасали меня,
На земле оставляя.
Только это упрёк
За мою куцекрылость,
Только вам невдомёк,
Что надежда вдруг скрылась
За унылостью дней.
На кормушке фанерной
Буду помнить о ней
И забуду… Наверно.

1970

Весна на Оке

Я поэм не могу об этом,
Я как птица перед полётом:
Чуть взлетел, захлебнулся ветром,
Пропахшим пыльцой и мёдом.

Разве можно вместить в строчки
Необъятность и нераскрытость!?
На глазах рвутся липы почки,
Летит дятел с синичьей свитой.

А лягушка, как самородок
Изумруда в вонючей жиже,
Примостилась в начале брода,
Сразу всплеск, чуть шагнешь ближе.

Каждый шаг… Слышно песни жизни
О великих тайнах творенья,
Преломляешь в волшебной призме
Вдруг подмеченные мгновенья.

И стараешься всласть напиться,
Словно это твой день последний…
Очень трудно уйти, проститься
Мне с весной.
Лишь смотреть бы, смотреть бы.

1971

* * *

Как нам быть с теплом? По утренней прохладце
Хоть кутайся, хоть в дом чужой зайди.
Нежданным холодком осенних декораций
Живое всё смахнуло на пути.

Тепла! – вопит зверьё по норам, чащам.
Тепла! Тепла! – гусей клин в горизонт.
Тряпья! Тряпья! – под окнами всё чаще
Старьёвщика лохматый зонт.

Всем дай тепло несбывшееся лето.
Уйми мольбы, воздай за тихий нрав.
Дай женщине тепло. Тепло её поэту.
Он в поиске тепла… И этим прав.

А нам тепло – стихи в альбомном стиле,
Утраченное притяженье дней…
Нечаянно друг к другу поостыли…
И стужа, стужа снова у дверей.

1971

Окна

Окна с грустными детскими лицами,
Окна, которые просят участия –
Я прохожу мимо детской больницы,
Где ограда такая частая.

Носы о стекло расплющены,
Ладошки скользят потные…
Где ваши мишки плюшевые,
Скрипки, тетрадки нотные?

Но отвернусь, бессилен я,
В участливом взгляде нет проку.
…Окна больницы синие.
Дети играют в «окна».

1974

* * *

В дверь входят люди, а в окно
Влетают птицы и бабочки на свет.
Они приносят за собой добро,
А люди – нет.
Бывает в дверь заходит с ними зло.

От пенья птиц, порханья мотылька
Не ждём беды.
А двери? Те скрипят, как каются в грехах
Иль просят за труды.

А в окнах – бескорыстность, доброта.
Входи и ты в окно.

1974

Старым поэтам

Г.М. Левину (совсем не старому, но забо левшему после ночного стояния на морозе на Кузнецком мосту в очереди за томиком О. Мандельштама из Большой библиотеки поэта)

Крадутся по стёклам
Морщины мороза.
Декабрь под сердце
Холодной занозой…
Но поздно. Но тает
А руках горсть снежинок.
Так мало служили
И струйками с жилок.

Тень в грязном снегу
Пересёк след машины,
На платье шута
Места нет от нашивок –
Ярлык к ярлыку…
Головою седой

Тряхнуть и вдогонку за добротой.
У тех, чьё начало
Век новый отметил,
Вдруг слёзы в глазах,
Но виной тому ветер,
Рожденный на не-
покорённых вершинах,
Уставший дробиться
в глубоких морщинах.

Витками спирали
Отмечен путь моды.
Здесь поиски старого в новом
Бесплодны…
Но только с двадцатых,
Бурлящих и пёстрых,
Пьянящего пунша
Осталось с напёрсток.

Уже подготовлен
И бархат пурпурный
И ниша в стене монастырской
Для урны.
Готовы и те,
Чьи покатые плечи
Подхватят кораблик
До пристани «Вечность».

Капризы погоды –
Паденье давленья.
Циклоны меняют
Свои направления.
Пожалуй, на оттепель…
Верим прогнозам.
Декабрь под сердце
Холодной занозой.

Декабрь, 1973

Старые птицы

автору книги «Перед снегом»

Посмотри на крылья старых птиц,
Тех, которых помним по полёту.
Видишь? Перья мокрые от пота
Перед взлётом будущих страниц.

Посмотри на крылья старых птиц!
В них таланта частые узоры,
Пёстрые как платье Робинзона,
Буйные как игры кобылиц.
И летят, и ищут – не уют,
И живут, своих потерь не меря.
Воробьишки щиплют у них перья,
Но чирикают, а не поют.

Их полёт вне времени границ.
Но волнуюсь – как бы не ослабли
И не затупились перья-сабли
У воинствующих старых птиц.

1973

Так было

Ахмадулина читает!
Я ж опаздывал к началу,
На Таганке ждал троллейбус,
Теребя ключи в кармане.
«Ахмадулина – царица!» –
Говорил мне мой знакомый
Шелестящим голосочком.
А мне в голову всё лезла рифма –
Многих рифм банальней:
Львица?.. Как же это… Львица?
Вот навязчивость какая!?

Ахмадулина читает!
Будет буря… И шипенье
Карамель сосущих «филов».

Будет пять истерик в зале
(У двух школьниц, трёх старушек).
Одним глазом мне взглянуть бы,
Мне б услышать… Но троллейбус
Видно чтит секундный график
Не торопится на помощь.

Ахмадулина читает!
Далеко и недоступно.
Повернусь, пойду обратно,
Дома с дочкой полистаю
Сказки дедушки Корнея.
После песни «теленяни»
Дочку уложу в кроватку…
А потом достану книжку,
Сяду у окна на кухне.

Вглядываясь в ночь напротив,
Ахмадулину читаю.

1975

Новодевичий монастырь

Наташе

Запрокинул башку. Шапка в снег. Не простынь!
Колокольни полёт тянет ввысь… Мо-на-стырь!
Ново-девичий, словом и веком отмеченный,
Сотней войн и пожарами покалеченный.
Под татарином чёртом, под поляком ли бесом,
Под французом – безбожником, куролесом…
Всё одно… Только тихо поют у колодца
Вышивая Георгия Победоносца
Три монахини. И не уймётся их память:
Вдалеке над Москвой стоязычное пламя.
Дом опальных цариц. Всё посты и посты.
Дом – не дом, и тюрьма – не тюрьма – Мо-на-стырь!
Стен кирпич ковырнёт своим пальцем исколотым
Молодая черница и вдруг спросит: «Не скоро там?»
У голубки летящей в небе сером и низком.

Слух её ловит звук русской конницы близкой.
…Я в калитку войду. Там звезда, там кресты.
И каким именам дал покой Мо-на-стырь!
Вроде б девичий, но интуристами лапанный,
Реставратором латанный-перелатанный.
Успокоенной мощи памятник откровенный,
Где царапина каждая помнит наверное:
Дым московских пожаров, России плач истый,
Вздох монахинь и шум русской конницы близкий.

1973

Стрижи моего друга

В. Деулину

Стрижи моего друга –
Доверчивы года –
В натянутые туго
Электропровода
Врезались, осыпаясь
Комочками тепла…
И травы просыпались,
И плакала ветла.

Стриж чёрным силуэтом –
Лук верный со стрелой.
Вот этот был Поэтом,
А этот был Герой…
Так жизнь проводят в риске,
Парят сто тысяч лет
Подобьем луков скифских.
А лучников и нет.

Стрижи моего друга –
Душевная руда.
Вас лечат от недугов
Электропровода.
Да так, что только искры
И рвётся тетива…

Зачем летаешь низко,
Шальная голова?
Ах, не летай так низко,
Шальная голова.

1972

Апрель

В. Шишкину

Пробила примула щит снега
И появился впопыхах,
Чуть красный и хмельной от бега
Апрель – и в песнях и стихах.

Мой месяц! В нём шальная тяга,
Лыжни набухшей останцы,
Среди проталин лось-бродяга,
Вороны первые птенцы.

В нём всё, что будит спозаранок
Холодным душем перемен:
Прозрачность песенки зарянок,
Приречных красноталов плен.

Обрадовался откровеньям
Нагой земли, копившей миг –
Мощь первородного творенья
В желаньях рваться напрямик.

Но всё не так! В просторах Азий
Живет строптивостью широт,
Творя миллионы безобразий
Апрельских вьюг круговорот.

Царит тягучая усталость
И, маю предъявляя иск,
Апрель накапливает старость
И сыплет снегом на Норильск.

Как хочется всеобщих радуг,
Единства красок и времён,

Чтоб примула была в награду
За зимний сон для всех племён.

Всё зло – в округлости планеты.
Оси наклон – причина бед.
Земле бы плоской, как монета,
Побыть… Хотя бы тыщу лет.

1973

* * *

Меня дорога укачала.
Постелью стала пыль.
Не ты меня с ней повенчала?
И бросила… Не ты ль?

У старой маленькой часовни
Под каменным крестом
Дорога мне шептала: «Помни
Меня, её – потом.

Забудь её. Полыней сизых
Нарви и надышись.
И снова ты мне будешь близок.

Теперь вставай, кроши
Не стоптанными башмаками
Мозаику камней…»
И я шагал, в пыль дни макая,
Не думая о Ней.

1972

Садко

Когда отчаивалась Русь
Латать дырявые рубахи.
Когда ей было не до драки,
А по домам царила грусть,
Рожала баба где-нибудь

Голубоглазого мальчишку
И отправляла в долгий путь
Без хлеба, с горстью мелочишки.

Он рос в дороге до столиц,
Учился по ее рецептам.
А жизнь давала под проценты
Хвосты измученных Жар-птиц.

То – скоморох, то – богатырь,
А то – бунтарь или разбойник,
Иль чудом спасшийся раскольник,
Плюющий в сытый монастырь.
Все он... Ведёт наперекор
Мечта, добытая из книги.
Мечту, как тяжкие вериги,
Носил он средь морей и гор.

Он пел. И были в песне той
Напевы о житье без горя.
Слагались песни на просторе,
Мотив их был совсем простой.

Он слово людям говорил.
Те переспрашивали – «Счастье?»
Мальчишку резали на части –
Он вновь рождался и творил.

Во вред? А может и добро?
Ну, разве просто разобраться,
Что будет, если миром взяться
И все поставить на ребро?

Да и нужны ли топоры?
Сосед, вон как богат – все вдоволь.
А пропивает век свой вдовий.
Так пьют в дни горестной поры.

На что нам сытое житьё?
Едим в обрез – не помираем.

Рвань носим, но не поминаем...
Ведь не о том у нас нытьё.

И слушал странник молодой
Речь стариков, свой век отживших,
От Бога с князем заслуживших
Горб и шершавую ладонь.

Из слов тех песни не сложить.
Мечта из книги –птица в небе.
И пусть не ворон – белый лебедь...
А можно ли без горя жить?

Он для себя решил пока:
До счастья долго не созреем.
Мир должен стать еще добрее
И верить в лучшие века.

Пусть ищут счастье в доброте,
А не в заморском сытом доме.
Нам надо, чтоб счастливой доли
Для всех вдруг каждый захотел.

...Брать гусли был Садко не рад,
Но пел и пел золотогласый
На дне средь тины, водокраса...
О твоем счастье, *Новоград.*

1973

Бубновая дама

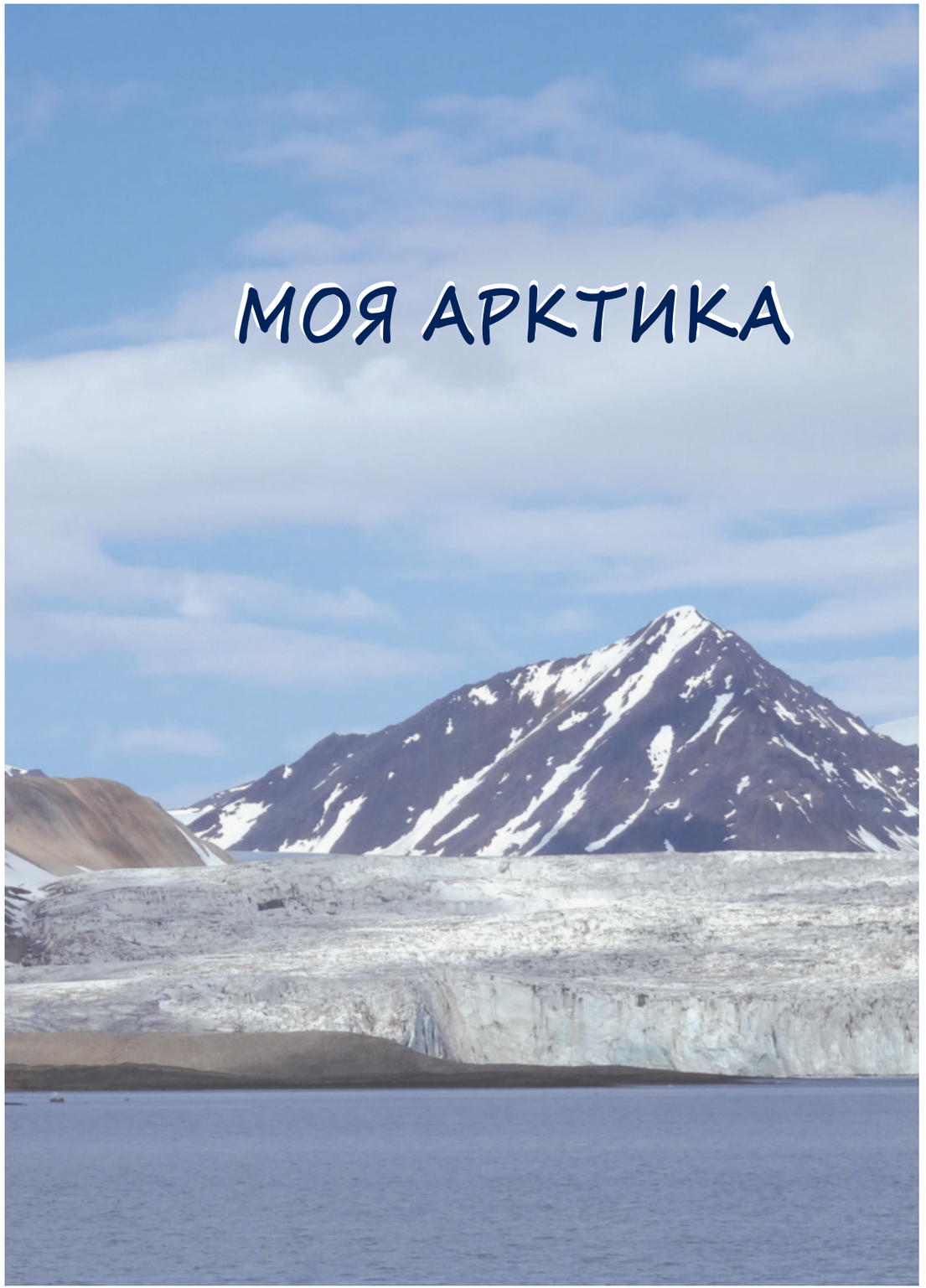
Потеряна карта
В гадальной колоде.
Бубновая дама…
Ну что за гаданье!..
На сон томик Сартра
Иль что-нибудь вроде.
Без карты здесь драма,
Сплошные рыданья.

Три карты бросали
На мягкую скатерть,
Где проигрыш медью
И пир чёрной масти.
Как-будто бы сами
Роняли на паперть
Листочки к обедне –
Одни только страсти.

Но кто же поверит
В такое гаданье?
И близко в нём нет
Правды перерожденья.
Краплёными мерить
И жить оправданьем
До старости лет,
До второго рожденья.

И всё же нельзя,
Чтобы жизни колода
Вот так вот лишилась
Бубновых секретов.
Иначе стезя
Человечьей породы,
Достигнув вершины
Наткнётся на вето.

1999



* * *

Всё недопетое – допето
И унеслось в бескрайность тундр.
Моё двадцать седьмое лето –
Миллион растерянных секунд:
В искристых, звонких песнях снега,
Что пел мне здесь полярный Лель,
В Борее, бьющимся с разбега
В Шпицбергенскую параллель.
Всё без тебя. Но каждый кустик
Здесь наш. И память не виня,
Я думал: «Север не отпустит
К тебе по осени меня».
В дни осени с зимой слиянья
Приходит снег, по фьордам – лёд,
И всполохи немых сияний
И предпоследний самолёт.

Лонгиербюен, 1976

Осень на Свальбарде

Совсем не летний месяц август
Испробовать спешит все краски.
Добавил охры он слегка в куст,
Кармина брызнул для острастки.

То снежной канителью ляжет
На цепи гор аквамаринных,
В узлы тугие ветры вяжет
И распускает по долинам.

Они пушиц полощут флаги
И лижут рваных мхов заплаты,
Гурьбой врываются в овраги,
Как в крепость бравые солдаты.

Мы радуемся: «Та же осень!
Умело август держит кисти…»

Ещё мгновенье – ветер бросит
В лицо охапки звонких листьев

…Оставим мысль о листопаде.
Здесь как-то сразу тает лето.
Приходит осень на Свальбарде
Горстями огненных монеток
На берега пустынных фьордов.
И. сделав два прощальных круга,
Летит стремительно и гордо
Гусиный клин куда-то к югу.

1979

Путина на Баренцевом море

Не разбивай зеркала…
Не рассыпай соль…
Это к ссоре.

Народная примета

Запляшут на осколках
Разбитых зеркал
Матросы в наколках «Люблю на века…»
Людмилу иль Раю?
Попробуй прочесть.
Куда там до рая
В шторм баллов под шесть.

Вы думали кровь у трески не красна?
Она как глаза капитана без сна.

Смешали с волною осколки зеркал,
И кровь, и уже не живая треска.

Под дизеля кашель
Плаксивая трель
Радиста Аркаши
В глуби СээРТэ*

Не мучь ключ, друг-тёзка!
Не будет беды.

*СРТ – средний рыболовецкий траулерю.

Не выгнать расчёской
Чешуй с бороды.

И сыплется соль.
Значит ссора близка.
Но ссоры не будет,
А будет – Треска!

1976

Уходим вглубь острова (Западный Шпицберген)

Алексею Арманду

Вот проводы. Их светлое начало
Рождалось незатейливой каймой.
Лишь сердце чуть настойчивей стучало
И путь лежал – далёкий и прямой.

Картинки дневникового старанья:
День скуден солнцем, слева камнепад…
Четвёртый день туман ледник таранит
И сыплется колючая крупа.
Уйдём. Остынет разговоров пламя,
Начнёт свой монолог ночной прибой.
Уйдём… Оставим в прежней щедрой гамме
Два цвета дня – седой и голубой.

Вот и зима, а мы и не готовы.
Тепло одеты… Но осенний срок
Нас не насытил фьордом безледовым,
Осенней песне научить не смог.
Мы шутим, что весну сменяет осень,
Мол так заведено из века в век.
И очень долго у погоды просим
В туман не прятать придорожных вех.

А бог погоды нашим просьбам внемлет.
Что верить в обязательность зимы!
Столкнули сразу все четыре кремня –

Все года времена… А в центре – мы!
Замкнулось искр недолгое свеченье.
И радуга демисезонных дней
Нам вдруг пообещала приключенье,
Коль мы пройти отважимся под ней.

И мы спешим, как на последний поезд.
Хрустят лишайники под сапогом.
А где-то рядом скрипнул осью Полюс,
Нагрянул вечер, стихло всё кругом.
Вот так несбывшихся событий бремя
Годами носим в старых рюкзаках…
И только струйкой из ладоней время.
И силы нет остановить закат.

1976

Туман на Ис-фьорде

Простота свальбардского тумана:
Тянет тень луч острый как клинок,
Проявляет в полотне экрана
Кадры из безмолвного кино.
И цепляясь за туман листами,
Лезут травы, сбросив мхи в туман.
Он их враз деревьями представил
В тундре лес? Сойти можно с ума!
Здесь весят на скалах как-то криво
Гнёзда давно брошенных птенцов.
Оперенья в диких переливах
Цвета пробованных леденцов.
Всё кишит как в книгах дилетантов:
Большерогий пятится олень,
Плачут по потерянным штандартам
Две эскадры сонных гагарей.
Всё смешал и увеличил втрое,
Всё – полумираж, игра теней.
Человек и тот, стоит расстроен,
Прислонясь к туману как к стене.
Сам стоишь, стоит твоя работа.

Три часа нечаянных потех.
Крик пленённого врасплох вельбота
Грустен и для этих и для тех.
Ждать конца тумана с нетерпеньем,
Чертыхаясь в волны у камней.
Упражняться долго в громком пенье –
Это ль не занятье для парней?
Но работа! Так, чтоб не на ощупь,
Так, чтобы не барахлил комп*ас*…
Жить в тумане может быть и просто
Для иных… Но только не для нас.

1979

80-я параллель

Я нашёл лист осины
Среди битого угля.
Стукнул, что было силы,
Глыбой черною бульник.

И рассыпалась книга угля на страницы.
Узнаю без подсказки все листья по лицам.

Здесь был лес из каштанов,
Там – секвои-громады.
Отпечатки как штампы
В слое чёрной помады.

Было. Нынче ледник
Всё меняет местами.
Мнёт страницы одни,
А другие листает.

1976

Конечная остановка

День нелётной погодой скомкан,
Пелена, как в стакане взвесь.
Завтра будут цвести камнеломки
Там на Севере… А я здесь.

Улетаю в разгаре лета,
Чтоб искать прошлогодний лёд
Видно песня моя не спета,
Не прервался ещё полёт.

Я, наверное, жду года…
В летний день, туманный такой
Будет тоже нелётной погода.
И я вдруг обрету покой.

Не вернусь я к ледовой кромке,
Не услышу чаячий смех.
Без меня отцветут камнеломки,
Прошлогодний растает снег.

2007

* * *

Дробили солнце на куски
Деревья вдоль дороги.
Дороги были нам узки,
Не в лад шагали ноги.

И пели песни мы не те.
Наш клин гсиный в марте
Из душных городов летел
На покоренье Арктик.

Но наступили времена
Совсем другого свойства.
Мы стали меньше пить вина,
Задыли о геройстве.

Теперь уже не покорять
А наблюдать и мерить,
Не вглубь бросаем якоря,
А изучаем мели.

Дороги больше не узки –
Ну, просто магистрали…
И мы, по-прежнему, близки,
Но жаль – другими стали.

2000

Возвращение

Дочке Анюте

Вот только уехал,
А тянет вернуться
И в хвойные запахи
Вновь окунуться.
И шлёпать по речке,
Искать омуточки –
Ракушки и гальку
Выискивать дочке.

И снова приехать
Совсем непохожим,
Поставить рюкзак
Перед дверью в прихожей.
И, как дед Мороз,
Положить под подушку
Дочурке Анюте
Речную ракушку,
Три шишки еловых,
Пять камушков гладких,
Похожих на пять
Леденцов очень сладких,
И синее пёрышко…
Дочка проснётся,
Увидит подарки –
И улыбнётся.
Потом закричит,
Торопя утро смехом:
«Мамуля, вставай!
Это папа приехал!»

1980

Ночью с фонариком

Дочке Анюте

В темноте с фонариком
Мы уходим на реку.

Нас в кустах приречных
Ждут ночные встречи.

Тронул иву ветер –
Мы туда посветим.
Там камышевка поёт.
Под лучом она замрёт…
Дрогнет ветка ивы –
До чего ж красиво!

Вниз направим тонкий лучик,
Разглядим теперь получше,
Что там на земле творится
И кому ещё не спится.
Слышишь писк? Постой-ка!
Это ж землеройка.
Дождевого червяка
Ищет здесь наверняка.

Осторожней, рядом лужа.
Видишь, жаба неуклюже
Через тропку скачет –
На охоту, значит.
Ну-ка, посвети сюда.
Здесь в траве её еда –
Пауки и слизни
Вмиг простятся с жизнью.

А пока мы тут сидели
К нам и гости прилетели:
Комары и бражники
Летуны отважные.
А чуть-чуть повыше –
Три летучих мыши.
Над рекой и лужей
Их летает ужин.

Падает роса с листочков.
Ты совсем промокла дочка.

Тусклым свет стал фонаря,
Скоро ранняя заря.
Просыпаться стали птицы.
Нам с рекой пора проститься.

Вот как мы с фонариком
В ночь ходили на реку!

1979

Лесной пожар

(как мы с нашим пуделем Лушкой тушили пожар в лесу у станции Фрязево)

Бежит, стрекочет и поет
Вокруг лесной пожар.
Я смалодушничал и вот
К опушке отбежал.

Но вместе с верным моим псом
Вернулся вновь к огню,
А пёс кружится колесом –
«Гав-гав» – зовёт родню.

Пёс средь черемухи кустов
Нашел чуть-чуть воды.
Беру в ладони граммов сто
И молча за труды.

Конечно пёс мой – он не волк.
Он лает всем про всё.
В пожарах он не знает толк,
Но ёжика спасёт.

Он отпугнет тех от огня,
Кто медленно бредёт.
Он, может быть, спасёт меня –
С пожара уведёт.

Босой. Пса лапы берегу –
Он у меня один.

Кричу ему я, как могу:
«По углям не ходи!»

Мне хорошо – я ветку взял,
Сбиваю с трав огонь.
А псу ходить к огню нельзя –
Там жарко, душно, вонь.

Про крейсер, про «Варяг» поём.
Поющий всегда смел…
Пожар тушили мы вдвоём,
Но каждый – как умел.

Пёс своим лаем отгонял
Все мелкое зверьё.
Что не бежало от огня,
То было всё моё.

Здесь арифметика проста –
Почуяв сил прилив,
Я спас, наверно, три куста
Больших плакучих ив,
Берёзок рощу и дубок –
Вот результат труда.
Пёс знает – спас я всё, что мог,
Но кончилась вода.

А дым глаза не ест до слёз.
Нам уходить пора.
А сто спасённых мной берез
Ждать будут топора.

2002

* * *

Снова лужица похожая
На собаку без хвоста,
Да с такой умильной рожицей
Распласталась неспроста.

Ногу чуть занес, но жалко вдруг
Стало это существо.
Ни ногами и ни палками
Я не буду бить его.

И метле не дам кощунствовать –
Пусть метёт другой бульвар.
Я здесь буду путь нащупывать
В мир, где случая игра.

Непредвиденные странности
Нам готовит каждый день…
Видим мы весы в туманности,
А в сучке живёт олень.

Не пародия реальности,
Коль сердечками листва.
В преждевременной летальности
Смысл природы мастерства.

Разве здесь проделки ведьмины?
Только случай – там и тут…
Но вот белыми медведями
Облака опять плывут.

1971

Мой зоопарк

Где кончается тропа,
Упираясь в берег,
Сделал я свой зоопарк.
Можете проверить!

Есть две ящерки и жук
Под бревном еловым.
К ним я часть прихожу,
Как к своим знакомым.
Ящерица – не змея,
Хоть язык и вильчат

Долго смотрит на меня
Серый крокодильчик.

Ну а если повезёт,
То жука увижу:
Крокодильчик подползёт,
Но не съест – оближет.

Вечером здесь бродит ёж
И шуршит негромко.
Чуть поближе подойдёшь –
Отбежит в сторонку.
Я с ним лично не знаком,
Но второе лето
Ставлю блюдце с молоком
И кладу конфеты.

А в реке на дне лежат
Рыбы-пескаришки.
Только очень-очень жаль –
Глубоко там слишком
Они есть всегда хотят.
Червяка им бросят –
Сразу стаей налетят
И ещё попросят.

Никого я не поймал
Здесь на речке летом.
Зоопарк мой очень мал,
Но зато без клеток.

1977

Кто как растёт?

Огурец растёт на грядке.
Ночью я расту в кроватке.
Растёт ёлка на опушке,
Головастик стал лягушкой.

Только не растёт мой кот,
А ему девятый год.

Мне – четыре. Но расту я,
Достаю до спинки стула.
Даже к середине лета
Дорасту я до буфета.
А на следующий год
Я смогу открыть комод.
А когда мне будет семь,
То я вырасту совсем:
Открывать смогу все дверцы,
Банки с сахаром и перцем,
И коробку с карамелью…
А в часах, где птица с трелью,
Я окошечко открою,
Птицу отпущу на волю.
Очень тесно ей в часах.
Пусть хоть подрастёт в лесах.
Ей ведь вырасти непросто
До птенца большого роста.

1979

Соня-полчок

А знаешь, кто живёт по дуплам?
Ты хорошенечко подумай.
Конечно дятел и синица,
Ещё – проворная куница.
В дупле – жильё летучей мыши,
О ней, уверен я – ты слышал.

А кто ещё? Оса, пчела,
Жука я видел там вчера.

Но знаю я ещё зверька.
Его в лесу, наверняка,
Ты не встречал. А жалко.
В дупле его лежанка.

Днём спит, а ночью бродит.
Орехи ищет вроде б.

Зверёк тот очень волосат.
А если заберётся в сад –
Хлопот не оберёшься.
Но с ним не подерёшься…
Уйдет в кусты… И был таков…
Но я узнал у знатоков,
Где можно встретить зверя.
Решил пойти, проверить.

И в лес пришёл под утро.
И стал искать по дуплам…
И отыскал… О том молчок,
Где прячется зверёк – полчок!!

1981

Кто живёт на ёлке?

Подбегала ловко
К дереву полёвка.
И зубами мелкими
Грызла шишки белкины.

Подбегали мышки –
Тоже грызли шишки.
В темноте под сучьями
Шишки грызть сподручнее.

Прилетали три чижа.
Видят – шишки три лежат,
Ели, впрок носили…
И ещё просили.

А на ёлке, где верхушка,
Белка трудится, старушка,
Режет шишки для внучат –
Трёх голодненьких бельчат.

Но очки забыла дома
И роняет из подола
Шишки… Удивляется,
Что не прибавляется.

Шишек и семян не жаль!
Нынче крупный урожай,
Даже не початый.
Хватит всем внучатам!
Нам с тобой достанется…
И ещё останется.

1974

Угадай

Что делала – не ведала,
Когда в лесу обедала
Хитрющая и злющая лиса.

Обед пищал под листьями,
Потом под лапой лисьею…
Что ела на обед лиса
Ты догадайся сам.

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ... 3
Ассоциации преклонного возраста
На исходе оттепели ... 8
Какие наши годы? ... 10
Две правды ... 10
В какую птицу превратиться?.. ... 11
Помыслы-мысли ... 12
«Еще не время собирать плоды…» ... 13
«Заплатим за платье в заплатках…» ... 13
«Надену маску старика…» ... 14
«На самой последней страшной войне…» ... 15
«Жизнь словно чудо…» ... 15
«Я сыграю…» ... 16
Памяти К.М. Эфрона ... 16
«Я этот день отмечу…» ... 17
«Чем дальше, тем еще быстрее…» ... 18
«Берег внуков, город внуков…» ... 19
«Есть противные дни для поэта…» ... 19
Я снова здесь ... 20
«Небесный локон, пухленький Амур…» ... 21
«И молодости позавидуй…» ... 21
«А лето началось не сразу…» ... 22
«Мы хороши своим разнообразием…» ... 23
Моё афроевразийство ... 24
«Спешу на восток…» ... 25
Карлик ... 26
Сон ... 27
«Нет, Земля совсем не глобус…» ... 28
«Приснилось мне, что выпал первый снег...» ... 29
«Пройду, преодолею,..» ... 29
«Не отгадаешь смысл стихов...» ... 30
Звенигород. Биостанция
Москва–Звенигород» ... 32
Биостанция. Март 2001 ... 32
«Когда рождественские лампочки…» ... 33
«Где прикрывают лопухи…» ... 34

«Было зеркало квадратным…» 34
«Дня символ – просто жёлтый лист…» 35
Вербное 36
День перед Пасхой 37
«Тяп да ляп, тяп да ляп…» 38
Куда спешат печали дни? 38
«Всё те же дачные напевы…» 39
«Бег Хроноса не остановишь…» 40
Александр Блок 41
Последний дождь в Год Пушкина 42
Синдром Титаника 43
«Я книгу написал…» 43
«Весенний день сиротский…» 44
«И как отмечено в Писании…» 45
Жизнь после жизни 46
«Я буду помнить,..» 47
Под Новый год 48
Камнерезы 48
Март 49
Он знает имена растений 50
Три товарища 51
Великий водораздел. Валдайская тетрадь
Валдайская молитва на старом капище 56
Осень на Кижах 56
Валдай 57
Валдайский дождь 58
Вышний Волочёк 58
Деревня поэта 59
«Дождей хватает в Амстердаме…» 60
Последний лёд 61
Апрель 62
«Дождь в декабре…» 63
«От грустных под дождём прогулок…» 64
«Что истину искать…» 65
Сцена первая. Верона. Площадь 65
«То глина, то песок…» 66
«Глотая горький воздух города…» 67
В пустой деревне 67
«Жизнь как самосожжение…» 68

«Поставит точку в тексте осени…» 69
Там за озером, там за плёсом 69
Ах, скажите, чьи вы? 70
Памяти Виктора Рогоцкого 71
По реке жизни 72
«Четвертый день снег гонят журавли…» 73
«Есть гулять где глубинке…» 73
Монгол 74
Весенние пожары 75
Вот дерево упавшее лежит 76
Язычество осени
Язычество осени 78
Грех? 79
В поисках Дон Жуана 80
«Где ты, соперник Дон Жуана?..» 81
«А как дожить – не выцвести…» 82
The script from the garden of Eden 82
«Жизнь как самосожжение…» 83
«Не дай мне Бог уйти не на бегу…» 84
Камертон 84
Бабье лето 85
Памяти В.С. Залетаева 86
«Не обивайте зря пороги…» 87
«Четвертый день снег гонят журавли…» 88
«Ни дождь, ни снег. Не осень, не зима…» 88
«Когда освободится…» 89
«Трав гибель…» 90
«Запоминайте имена…» 90
«Белый бакен, как любовь…» 91
«Перестаньте переступать…» 92
Под сенью рук твоих…
«Мне в старых домах – не «Ах!..» 94
Сентябрь, 1973 94
Март, 1974 94
Июль, 1974 95
Июль, 1975 95
Июль, 1977 96
Март, 1979 97
Сентябрь, 1979 97

Июль, 1980 98
«Когда из головы уйдут виденья ночи…» 98
Птичий рынок 99
На краю 100
«Когда же ты приедешь?..» 100
Автоответчик 101
«Я люблю тебя горячо…» 102
«Не смято первыми морозами…» 103
«Менять ли осени порядок?..» 103
Памяти Л.Р. Серебрянного 104
«Дробили солнце на куски…» 105
Яблочный спас 106
Рубище 107
Лхаса–Ронбук–Москва 107
«Тучами управляю…» 108
Памяти Иосифа Бродского 109
Начало. Полевые дневники
Первый весенний день 1966 года 112
«А осень оставляет мне автографы…» 112
Зонтик 113
Памяти Николая Рубцова 113
«Иду, по пояс ёлочки…» 114
Ноябрь. Звенигород 115
Лапландия 115
«И увозит меня трамвай…» 116
Время 116
Предзимье. Деревня Гигирёво 118
Радуга осени 118
Куклы 119
Серая шейка 120
Весна на Оке 121
«Как нам быть с теплом?..» 122
Окна 122
«В дверь входят люди…» 123
Старым поэтам 123
Старые птицы 125
Так было 125
Новодевичий монастырь 126
Стрижи моего друга 127

Апрель 128
«Меня дорога укачала…» 129
Садко 129
Бубновая дама 131
Моя Арктика
«Всё недопетое – допето…» 134
Осень на Свальбарде 134
Путина на Баренцевом море 135
Уходим вглубь острова (Западный Шпицберген) 136
Туман на Ис-фьорде 137
80-я параллель 138
Конечная остановка 138
«Дробили солнце на куски...» 139
Детские стихи из полевого дневника
Возвращение 142
Ночью с фонариком 142
Лесной пожар 144
«Снова лужица похожая…» 145
Мой зоопарк 146
Кто как растёт? 147
Соня-полчок 148
Кто живёт на ёлке? 149
Угадай 150
Содержание 151

Tishkov_Tishkov 14.02.2020 17:30 Страница 156

ТИШКОВ
Аркадий Александрович

Ассоциации

Москва 2020. 156 с.

Иллюстрации –

Подписано в печать ???.
Формат
Усл. печ. л. Уч. изд. л.
Тираж 300 экз.
Индекс Заказ №